

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой электронный
научно-практический журнал
частного и публичного права

pravojournal.ru

2 (7) / 2020

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой электронный
научно-практический журнал
частного и публичного права

№ 2 (7)
Вологда 2020

Издается с июня 2018 года
Выходит четыре раза в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний»,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода в свет: 30.04.2020

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г.

© ВИПЭ ФСИН России, 2020

© ВоГУ, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук, доктор исторических наук, доцент;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Санташов А. Л. – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Сухондяева Т. Ю. – доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Углицких Д. В. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	5
НАГОРНЫХ Р. В., ТЕСАЛОВСКИЙ С. С. Проблемы понятия и сущности малозначительности административных правонарушений	7
МИРОНОВ А. В. , КОЛОСОВА П. А. К вопросу о совершенствовании правового регулирования процедуры банкротства в отношении физических лиц.	12
ВОНТОВА Н. Е. Материальная ответственность работодателя за незаконное лишение работника возможности трудиться	17
МОЛОДОВ О. Б. Классификация религиозных объединений в советском законодательстве.	22
ПАВЛОВ А. А., КАЛИННИКОВ В. Н. Проблемы применения условно-досрочного освобождения к лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы.	26
СЕРЕДИН А. А., РЕШЕТНЯК Т. О. Влияние криминальной субкультуры на корыстную преступность несовершеннолетних (на примере неформального движения «АУЕ»)	30
ЯДРЕНЦЕВ В. Ф. Совершенствование законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний без лишения свободы	34
НЕКРАСОВ В. Н. Инновации как предмет преступлений в области инновационной деятельности	37
МОРОЗОВ Р. М., БУШУЕВ И. С. Применение некоторых тактических приемов допроса осужденных в исправительных учреждениях в конфликтной ситуации.	41

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

БАБАЯН С. Л. Рецензия на монографию под редакцией доктора юридических наук, профессора Р. А. Ромашова «Международные стандарты обращения с заключенными при исполнении уголовных наказаний»	45
--	----

CONTENT

CHIEF EDITOR'S NOTE	5
NAGORNYKH R. V., TESALOVSKY S. S. Problems of the concept and essence of insignificance of administrative offenses	7
MIRONOV A. V., KOLOSOVA P. A. On the issue of improving the legal regulation of bankruptcy procedure for individuals	12
VONTOVA N. E. Personal liability of the employer for illegal deprivation the employee's opportunity to work	17
MOLODOV O. B. Classification of religious associations in Soviet legislation	22
PAVLOV A. A., KALINNIKOV V. N. Problems of applying grant of parole to persons sentenced to life imprisonment	26
SEREDIN A. A., RESHETNYAK T. O. The influence of the criminal subculture on the mercenary crime of minors (by example of nonformal movement «AUE»)	30
YADRENTSEV V. F. Legislation improving in the field of the execution criminal sentences without imprisonment	34
NEKRASOV V. N. Innovation as a subject of crime in the innovation field	37
MOROZOV R. M., BUSHUYEV I. S. Applying some tactics of interrogation of convicts in correctional institutions in a conflict situation	41

SCIENTIFIC REVIEWS

BABAYAN S. L. Review of the monograph edited by Dsc. in Law, Professor R. A. Romashov «International Standards of the Treatment of Prisoners in the Execution of Criminal Sentences»	45
---	----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск сетевого электронного научно-практического журнала «Ius Publicum et Privatum».

Журнал включает рубрики, соответствующие различным отраслям права и направлениям юридической деятельности.

Выпуск открывает рубрика «Административное право; административный процесс», содержащая статью профессора кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России доктора юридических наук Р. В. Нагорных и студента-магистранта факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России С. С. Тесаловского «Проблемы понятия и сущности малозначительности административных правонарушений». Статья посвящена актуальной проблеме определения понятия и раскрытия сущности малозначительности административного правонарушения. По мнению авторов, для решения обозначенной проблемы законодателю необходимо более детально отразить вопросы освобождения лица от административной ответственности, закрепить соответствующий перечень и признаки, по которым будет возможно квалифицировать малозначительные административные правонарушения, установить пределы, в рамках которых будет осуществляться реализация данного правового института.

В рубрике «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» представлены две статьи. Первая подготовлена старшим преподавателем кафедры юриспруденции института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета Н. Е. Вонтовой и посвящена актуальной проблеме материальной ответственности работодателя за незаконное лишение работника возможности трудиться. Вторая статья «К вопросу о совершенствовании правового регулирования процедуры банкротства в отношении физических лиц» написана доцентом кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук А. В. Мироновым совместно со специалистом первого разряда межрайонной инспекции ФНС России № 12 по Вологодской области П. А. Колосовой. В ней рассматривается проблема правового регулирования процедуры банкротства для физических лиц, существование которой способствует росту количества отказов в реализации данной процедуры и попыток поиска обходных путей для недобросовестных должников. Авторы анализируют актуальные на сегодняшний день вопросы, связанные с содержанием и применением норм федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в судах, налоговых органах, и приходят к выводу о необходимости совершенствования отдельных положений указанного нормативного правового акта.

В рубрике «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» читатель познакомится со статьей доцента кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета кандидата исторических наук О. Б. Молодова, посвященной классификации религиозных объединений в законодательстве Советской России. Автор отмечает, что в исследуемый промежуток времени понятийный аппарат в данной сфере общественных отношений был недостаточно разработан, а в правоприменительной практике основную роль играли ве-

домственные нормативные акты, нацеленные на подавление религиозной активности населения.

Наиболее популярной является рубрика «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», в которую вошли три работы, посвященные проблемам применения условно-досрочного освобождения к лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, а также совершенствования законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний без лишения свободы. Особого внимания заслуживает статья начальника кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук, доцента А. А. Середина и курсанта 5 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России Т. О. Решетняка «Влияние криминальной субкультуры на корыстную преступность несовершеннолетних (на примере неформального движения «АУЕ)», которая посвящена исследованию криминальной субкультуры как фактора, оказывающего негативное влияние на корыстную преступность несовершеннолетних. В рамках исследования рассмотрены идеология и нормы поведения, характерные для движения «АУЕ», а также особенности, способствующие их распространению. Также проанализирован механизм зависимости уровня корыстной преступности несовершеннолетних в России от воздействия криминальной субкультуры. Авторами предлагается ряд конкретных мероприятий по профилактике корыстной преступности, а также противодействию распространению норм криминальной субкультуры среди лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

Рубрика «Уголовный процесс» представлена работой доцента кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук, доцента Р. М. Морозова и курсанта 5 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России И. С. Бушуева «Тактика применения в конфликтной ситуации некоторых тактических приемов допроса осужденных в исправительных учреждениях». В статье рассматриваются наиболее актуальные тактические приемы производства допроса осужденных в конфликтной ситуации, раскрывается их сущность, а также даются отдельные рекомендации по их производству. При формировании перечня тактических приемов допроса в конфликтной ситуации были учтены особенности деятельности исправительных учреждений.

Опубликованные в данном выпуске статьи отличаются научной новизной, обладают актуальностью и самодостаточностью. Хочется отметить, что среди авторов нашего журнала есть как молодые исследователи, которые делятся с научным миром результатами своих изысканий, – курсанты, студенты и магистранты, так и уже достигшие определенных успехов на научной ниве ученые – доктора и кандидаты наук, преподаватели вузов и эксперты в различных отраслях гуманитарного знания. Всех их объединяет стремление представить результаты своих исследований научному сообществу.

Надеемся, что очередной выпуск журнала окажется полезным и интересным нашему читателю.

Приглашаем всех желающих к сотрудничеству и опубликованию на страницах журнала своих научных статей.

С уважением, главный редактор
кандидат юридических наук, доцент
Евгений Леонидович Харьковский

УДК 342.9

Проблемы понятия и сущности малозначительности административных правонарушений

Р. В. НАГОРНЫХ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

С. С. ТЕСАЛОВСКИЙ – магистрант факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена проблеме определения понятия и раскрытия сущности малозначительности административного правонарушения. Авторы полагают, что для ее решения и обеспечения единообразного понимания законодателю необходимо более подробно сформулировать основания освобождения лица от административной ответственности, закрепить конкретный перечень и признаки, по которым будет возможно квалифицировать малозначительные административные правонарушения, установить пределы, в рамках которых будет осуществляться реализация данного правового института.

Ключевые слова: административная ответственность; административное правонарушение; административное наказание; малозначительность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс

Problems of the concept and essence of insignificance of administrative offenses

R. V. NAGORNYKH – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

S. S. TESALOVSKY – Graduate Student of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article is devoted to the problem of defining the concept and revealing the essence of the insignificance of an administrative offense. The authors believe that in order to solve it and ensure a uniform understanding the legislator needs to formulate in more detail the grounds for exempting a person from administrative responsibility, fix a specific list and signs by which it will be possible to qualify minor administrative offenses, establish the limits within this legal institution will be implemented .

Key words: administrative responsibility; administrative offense; administrative punishment; insignificance.

12.00.14 – Administrative law; administrative process

Одним из видов юридической ответственности является административная ответственность. По своему внутреннему содержанию меры административной ответственности представляют собой предусмотренные законодательством Российской Федерации определенные лишения, ограничения прав и свобод нарушителей.

В КоАП РФ законодателем обозначены случаи освобождения лица от данного вида ответственности. Один из них закреплен в ст. 2.9 КоАП РФ, в соответствии с которой судья, орган или должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, имеют право освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности при малозначительности совершенного им административного правонарушения. Практика применения института малозначительности при рассмотрении дел об административных правонарушениях довольно широка: его использование ежегодно колеблется в пределах 0,8–1,1 % от общего числа лиц, в отношении которых были окончены производством дела об административных правонарушениях¹.

Несмотря на исключительность института малозначительности, его применение является достаточно распространенным основанием для прекращения производства по делам об административных правонарушениях, на что, как это следует из постановлений пленумов высших судов², законодатель явно не рассчитывал.

Широкая практика применения института малозначительности по делам об административных правонарушениях во многом является следствием и того, что в административном праве отсутствует возможность назначения виновному лицу более мягкого наказания, чем определено административно-правовой санкцией конкретной нормы, как это предусмотрено, например, в действующем уголовном законодательстве (ст. 64 УК РФ).

Малозначительность административного правонарушения является очень важным институтом современного российского права в контексте его социально-гуманистической направленности³. Однако действующее законодательство об административных правонарушениях в этой части представляется явно несовершенным, и относится это прежде всего к понятию «малозначительность административного правонарушения», которое в настоящее время окончательно не определено, что вызывает довольно серьез-

ные проблемы при использовании данного института на практике.

В специальной литературе отмечается, что малозначительность административного правонарушения является оценочной категорией и ее применение зависит прежде всего от общественной вредности* административного правонарушения⁴. Несмотря на то, что норма о малозначительности административного правонарушения сформулирована в законодательстве, ее применение возможно только при установлении содержания соответствующего понятия. В действующем КоАП РФ отсутствует определение и не выделены критерии малозначительности административного правонарушения⁵, как и в других публичных отраслях законодательства, что исключает возможность интерпретирования и действия по аналогии. Кроме того, применение признака малозначительности при квалификации правонарушений обусловлено значительной по масштабам совокупностью правовых и неправовых факторов (признаки правонарушения, ситуационные факторы, личностные характеристики, нравственные и моральные стандарты поведения, сложившиеся в обществе, и др.)⁶, а также необходимостью проведения всестороннего анализа не только объективных и субъективных признаков конкретного деяния, но и используемой правовой нормы в единстве с иными положениями административного законодательства во всем многообразии вариантов.

Вместе с тем изучение теории⁷ и анализ судебной практики подтверждают, что при реализации нормы о малозначительности административного правонарушения в похожих случаях имеет место различное толкование и наблюдается отсутствие единообразия в применении⁸. В сложившейся ситуации недостаточности законодательного регулирования понятия «малозначитель-

* Авторы придерживаются позиции о том, что административное правонарушение не обладает признаком общественной опасности. В ч. 2 ст. 14 УК РФ определено, что не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного кодексом, но в силу малозначительности не представляющего общественной опасности. Следовательно, малозначительность деяния в уголовном праве не образует общественной опасности и такое деяние не является уголовно наказуемым. В этой связи понятие «общественная опасность» в принципе не применимо к административному правонарушению, а наличие в деянии признаков общественной опасности является основным критерием криминализации деяния.

ное административное правонарушение» и закрепления его критериев возникает административное и судебное усмотрение, целесообразное применение, что обуславливает ряд негативных последствий, связанных с неэффективным применением мер административного наказания и созданием условий для уклонения от административного ответственности.

В этой связи следует согласиться с мнением ряда авторов⁹, указывающих, что, несмотря на существующие толкования ст. 2.9 КоАП РФ высшими судами Российской Федерации, судебная и административная правоприменительная практика остается противоречивой, поскольку каждый административный орган субъективно, неоднозначно оценивает понятие «малозначительность», основываясь на собственном правовом восприятии и мировоззрении.

Таким образом, к числу основных проблем правового регулирования и применения института малозначительности в законодательстве относятся следующие:

– отсутствие критериев освобождения лиц от административной ответственности по малозначительности, а также возможности назначения более мягкого наказания или наказания ниже низшего предела, чем предусмотрено санкцией за конкретное правонарушение;

– неурегулированность пределов административного усмотрения при использовании института малозначительности, что создает условия как для необоснованного привлечения к административной ответственности, так и для необоснованного освобождения от нее без должного разбирательства;

– неопределенность составов, к которым не может быть применено освобождение от ответственности по малозначительности, и др.

Для изменения сложившейся ситуации законодателю необходимо более детально регламентировать процедуру освобождения от административной ответственности: закрепить перечень и признаки квалификации малозначительных административных правонарушений, установить материальные и процессуальные пределы, в рамках которых будет возможна реализация данной статьи.

Одним из вариантов решения проблемы модернизации рассматриваемого института является установление четких законодательных критериев малозначительности в отношении материальных составов в виде

фиксированных сумм причиненного правонарушителем материального ущерба. Применительно к формальным составам, которых действующим законодательством предусмотрено значительно больше, чем материальных, необходимо исходить из комплексной оценки последствий правонарушения. При этом целесообразным следует признать выделение различных категорий правонарушений:

1) в отношении которых малозначительность не может применяться вообще, например правонарушения коррупционной направленности. К данной категории в перспективе возможно отнести правонарушения, посягающие на права и свободы граждан, против порядка управления и др.;

2) в отношении которых малозначительность может применяться ограниченно в тех случаях, когда за данный вид правонарушения не предусмотрено административное наказание в виде предупреждения;

3) в отношении которых малозначительность может применяться без ограничений в случаях, если деяние, формально подпадающее под признаки административного правонарушения, в силу своей незначительной общественной вредности не может причинить вреда охраняемым законом интересам личности, общества и государства.

В этой связи дальнейшее совершенствование законодательства об административных правонарушениях должно предусматривать:

1) выделение групп критериев признания административного правонарушения малозначительным:

– основных – небольшой размер причиненного вреда с материальным составом или малая угроза наступления последствий при формальном составе, минимальное определение тяжести наступивших последствий (опасности для общественных отношений) или полное их отсутствие;

– дополнительных – субъективные признаки поведения правонарушителя, определяющие его роль как незначительную в совершении правонарушения, а также нецелесообразность привлечения лица к административной ответственности;

2) возможность назначения более мягкого наказания или наказания ниже низшего предела, чем предусмотрено административно-правовой санкцией;

3) принятие новой редакции понятия административного правонарушения. В частности, п. 1.1 ст. 2.1 КоАП РФ может быть изложен в следующей редакции: «Не является

административным правонарушением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность, но в силу малозначительности не представляющее общественной вредности, свойственной данному административному правонарушению»;

4) внесение изменений в ст. 2.9 КоАП РФ, которая в новой редакции будет предусматривать конкретные основания для освобождения от административной ответственности по малозначительности правонарушения: «При формальном наличии всех признаков совершенного правонарушения в нем отсутствуют существенные (значитель-

ные) нарушения охраняемых общественных отношений (отсутствует угроза причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угроза чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера) либо привлечение лица к административной ответственности нецелесообразно в силу несоответствия правонарушения и применяемого наказания»;

5) установление запрета применения института малозначительности при повторном административном правонарушении в течение года, а также в отношении отдельных категорий правонарушений, имеющих повышенную общественную вредность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Обзор судебной статистики о деятельности судов общей юрисдикции и о рассмотрении дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2018 года. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 07.02.2020).

² См.: О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 (ред. от 21.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Оботурова Н. С. Идея справедливости в философском понимании права: история и современные контексты // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4. С. 456–461.

⁴ См.: Даровских С. М. К вопросу о малозначительности административного правонарушения // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. : Право. 2012. № 7 (266). С. 98.

⁵ См.: Административная юрисдикция : учеб. пособие / [О. В. Дербина и др.] ; под ред. д-ра юрид. наук, доц. Р. В. Нагорных. 2-е изд., перераб. и доп. Вологда, 2019. 166 с.

⁶ См.: Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : моногр. М., 2012. С. 48–50.

⁷ См.: Никитин А. С. Административное правонарушение: сущность противоправности : моногр. М., 2010. С. 12; Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. С. 22.

⁸ См.: О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5; О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 (ред. от 21.12.2017).

⁹ См.: Панов А. Б. О малозначительности правонарушений // Право. 2012. № 2. С. 80–98; Шамсутдинов Р. Ю. К вопросу о малозначительности административных правонарушений // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016. С. 101–103.

¹ См.: Обзор судебной статистики о деятельности судов общей юрисдикции и о рассмотрении дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2018 года. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 07.02.2020).

² См.: О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 (ред. от 21.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Оботурова Н. С. Идея справедливости в философском понимании права: история и современные контексты // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4. С. 456–461.

⁴ См.: Даровских С. М. К вопросу о малозначительности административного правонарушения // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. : Право. 2012. № 7 (266). С. 98.

⁵ См.: Административная юрисдикция : учеб. пособие / [О. В. Дербина и др.] ; под ред. д-ра юрид. наук, доц. Р. В. Нагорных. 2-е изд., перераб. и доп. Вологда, 2019. 166 с.

⁶ См.: Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : моногр. М., 2012. С. 48–50.

⁷ См.: Никитин А. С. Административное правонарушение: сущность противоправности : моногр. М., 2010. С. 12; Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. С. 22.

⁸ См.: О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных

pravonarusheniyah : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24.03.2005 № 5; O nekotoryh voprosah, vznikayushchih v sudebnoj praktike pri rassmotrenii del ob administrativnyh pravonarusheniyah : postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 02.06.2004 № 10 (red. ot 21.12.2017).

⁹ См.: Панов А. В. О малозначительности правонарушений // Право. 2012. № 2. С. 80–98; Шамсутдинов Р. Ю. К вопросу о малозначительности административных правонарушений // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016. С. 101–103.

УДК 343.535:347.15/18

К вопросу о совершенствовании правового регулирования процедуры банкротства в отношении физических лиц

А. В. МИРОНОВ – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

П. А. КОЛОСОВА – специалист первого разряда Межрайонной инспекции ФНС России № 12 по Вологодской области

В статье рассматривается проблема правового регулирования процедуры банкротства физических лиц на основе анализа норм федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и правоприменительной деятельности при реализации положений данного закона в судах, налоговых органах, делается вывод о необходимости совершенствования отдельных положений указанного закона.

К л ю ч е в ы е с л о в а : банкротство; фиктивное (преднамеренное) банкротство; имущество должника; кредиторы; реструктуризация долгов; финансовый управляющий.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

On the issue of improving the legal regulation of bankruptcy procedure for individuals

A. V. MIRONOV – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

P. A. KOLOSOVA – Specialist of the First Category of the Interdistrict IFTS of Russia No. 12 in the Vologda Region

The article considers the problem of legal regulation of bankruptcy procedure for individuals. Based on the analysis of the norms of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and law enforcement when implementing the provisions of this law in courts and tax authorities the conclusion is drawn on the need to improve certain provisions of this law.

Key words: bankruptcy; fictitious (intentional) bankruptcy; debtor's property; lenders; debt restructuring; financial manager.

12.00.03 – Civil law; business law; family law; international private law

Доступность кредитования для населения обусловила рост потребительской активности и, как следствие, совершения необдуманных с точки зрения потенциального кредитора действий, что сказалось на ди-

намике долговых обязательств населения и сокращении платежеспособности граждан.

Так, по состоянию на 1 сентября 2019 г. общее количество заемщиков как ипотечного, так и потребительского кредитования со-

ставляло 39,5 млн чел. Средний уровень за-кредитованности россиян в 2019 г. вырос на 2,2 % по сравнению с 2018 г. Задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам, по состоянию на 1 января 2019 г. составляла 14 752 662 млн руб., в том числе 6 399 125 млн руб. – по жилищным кредитам, 6 376 845 млн руб. – по ипотечным жилищным кредитам, 1 365 156 млн руб. – под залог прав требования по договорам участия в долевом строительстве¹.

По официальным данным, в 2015 г. количество граждан, которые были признаны несостоятельными (банкротами), составило 870 чел., в 2016 г. – 19 574 чел., в 2017 г. – 29 827 чел., в 2018 г. – 43 984 чел., на 30 июня 2019 г. – 29 017 чел.².

Заявителями в делах о банкротстве граждан, как правило, выступают сами должники. В первом полугодии 2019 г. они инициировали 89,8 % дел (АППГ – 84,5 %). Доля конкурсных кредиторов как заявителей в делах о банкротстве снизилась с 14,1 до 8,2 %, ФНС России – выросла с 1,4 до 1,9 % по сравнению с 2018 г.³ По состоянию на 31 июня 2019 г. на сто тысяч населения Российской Федерации приходится 84 гражданина, которые признаны несостоятельными (банкротами).

Причиной повышения данных показателей могут являться кредит, ипотека гражданина, низкая заработная плата, потеря работы, увеличение расходов в силу разных обстоятельств, неверное сопоставление своих возможностей и потребностей.

В связи с этим законодательные новеллы, внесенные в федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»⁴, в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника, сохраняют свою актуальность, а обилие рекламных роликов на телевидении, в которых гражданам обещают быструю и безболезненную процедуру освобождения от долгов, лишь подтверждает данный довод. Принятие данного закона стало важным событием в правовой жизни государства, так как обеспечило возможность проведения процедур несостоятельности (банкротства) в том числе в отношении физических лиц.

Длительное время данные процедуры распространялись только на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Закон призван помочь несостоятельным должникам выйти из сложной жизненной ситуации, освободить от сумм задолженности.

В настоящее время нормы федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», которые регулируют правоотношения о банкротстве граждан, не являются доработанными, и проблемы их реализации очевидны.

Так, например, существуют вопросы относительно соблюдения требований, необходимых для инициации процедуры банкротства физического лица.

В соответствии со ст. 213.4 указанного закона гражданин обязан обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом. Данная норма определяет также и перечень документов, которые гражданин должен приложить к заявлению о банкротстве в суд. В соответствии со ст. 189.68 в случае, если кредитная организация имела лицензию Банка России на привлечение денежных средств физических лиц во вклады, конкурсным управляющим является Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (ГК АСВ). Лицу, которое решило обратиться в суд с заявлением о признании его несостоятельным, необходимо получить в данном агентстве справку. Однако гражданин, который не обладает юридическим образованием, самостоятельно исполнить эту обязанность в полном объеме не сможет, поскольку не знает, куда именно, как и по какой форме следует подать запрос для получения справки, а также в какой арбитражный суд ему обращаться, какие документы прикладывать к заявлению, в каком размере вносить вознаграждение арбитражному управляющему, что такое саморегулируемая организация арбитражных управляющих и т. д.

Полагаем, что решением данной проблемы могла бы стать программа оказания бесплатной юридической помощи гражданам, решившим инициировать процедуру собственного банкротства, которая могла бы реализовываться в рамках бесплатной юридической помощи, предусмотренной специальным профильным законом⁵. Полагаем, что обязательным участником данной программы должны стать и банки, которые могут давать соответствующие бесплатные консультации гражданам непосредственно перед оформлением кредитных договоров в целях повышения ответственности за неисполнение обязательств и информирования о содержании и последствиях процедуры банкротства.

В рамках заявленной проблематики необходимо также остановиться и на регулировании процедуры реструктуризации

долгов, основной задачей которой является восстановление платежеспособности гражданина и погашение задолженности перед кредиторами. В настоящее время, согласно официальным данным статистического бюллетеня единого федерального реестра сведений о банкротстве, по состоянию на 30 июня 2019 г. в отношении 6052 должников введена процедура реструктуризации долгов, тогда как за данный период всего несостоятельными (банкротами) были признаны 29 017 чел., что на 52,3 % больше, чем за аналогичный период прошлого года⁶. Срок плана реструктуризации долгов гражданина не может быть более трех лет. Суд не уполномочен, минуя данную процедуру, сразу же объявить должника банкротом. Полагаем, что предусмотренный законом трехлетний срок плана реструктуризации недостаточен для погашения задолженности и удовлетворения требований кредиторов, поскольку обязательства многих должников вытекают из долгосрочных ипотечных кредитов, задолженности по обязательным платежам. Для скорейшего погашения требований кредиторов участникам дела необходимо искать пути урегулирования задолженности именно в процедуре реструктуризации, не доводя ситуацию до признания должника банкротом. Данная практика широко применяется в иностранных государствах, где срок установления восстановительной процедуры решается между должником и кредиторами. В связи с этим полагаем, что положения ст. 213.11 могут быть изменены в части увеличения срока реализации плана реструктуризации долгов в отношении физического лица до пяти лет, что позволит должнику в полном объеме рассчитаться с кредиторами и избежать процедуры банкротства.

Также нуждается в дополнительном изучении вопрос о предоставлении должником информации о себе финансовому управляющему или арбитражному суду. В соответствии со ст. 213.9 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» гражданин обязан предоставлять финансовому управляющему по его требованию любые сведения о составе своего имущества, месте нахождения этого имущества, составе своих обязательств, кредиторах и иные имеющие отношение к делу о банкротстве гражданина сведения в течение пятнадцати дней с даты получения требования об этом. Однако не всегда эта обязанность исполняется гражданином добросовестно и в полном объеме. В случае если заявителем

по делу является третье лицо, то закон дает возможность финансовому управляющему обратиться в арбитражный суд с заявлением об истребовании документации у должника. При удовлетворении такого заявления арбитражным судом выдается исполнительный лист, который финансовый управляющий вправе предъявить для исполнения в службу судебных приставов. Однако наличие исполнительного документа не дает финансовому управляющему полной уверенности в том, что данная информация станет ему известной и он сможет внести достоверные и полные сведения в инвентаризационные описи, что также уменьшает шансы кредиторов на погашение их требований. Если невозможно установить местонахождение имущества, сведения о наличии принадлежащих лицу денежных средств и иных ценностей, судебный пристав-исполнитель возвращает исполнительный документ финансовому управляющему. Таким образом, формально финансовый управляющий добросовестно выполнил все обязанности в части розыска имущества должника, однако описанная выше ситуация способствует нарушению прав кредиторов и предоставляет существенное пространство для маневра в направлении фиктивного (преднамеренного) банкротства. В связи с этим полагаем, что положения ст. 213.9 рассматриваемого закона нуждаются в совершенствовании в части закрепления дальнейшего порядка розыска имущества гражданина с целью полного формирования его инвентаризационных описей. Также возможно внесение соответствующих дополнений в положения ст. 65 федерального закона «Об исполнительном производстве», в которой розыск имущества должника – физического лица, реализующего процедуру банкротства, получит конкретное, обособленное закрепление.

Не менее сложным и требующим совершенствования нормативно-правового регулирования является вопрос формирования конкурсной массы должника в части включения в инвентаризационную опись совместно нажитого имущества гражданина. В соответствии со ст. 446 ГПК РФ в конкурсную массу входит все имущество должника и имущество, составляющее его долю в общем имуществе, включая и совместно нажитое супругами, в том числе бывшими. Согласно ст. 38 СК РФ денежные средства после реализации данного имущества будут выплачены супругу (или бывшему супругу) в размере соответствующей доли.

Однако федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» не определен порядок действий в случае, если в данной собственности имеются доли третьих лиц. Со своей стороны полагаем, что данная ситуация может иметь два решения: внесение в содержание ст. 213.26 конкретной формулировки о порядке реализации имущества супруга (в том числе бывшего), дублирующей положения ст. 256 ГК РФ и ст. 38 СК РФ, либо внесение в содержание указанной нормы так называемой бланкетной оговорки, отсылающей к названным статьям.

Также внимания требуют правовое регулирование и правовые последствия процедуры повторного обращения гражданина за объявлением себя банкротом. Анализируемый федеральный закон не ограничивает возможности подачи заявления со стороны кредиторов в отношении такого должника и в течение пятилетнего периода. По общему правилу арбитражный суд не вправе отказать в принятии такого заявления. Закон также определяет последствия по завершении процедуры признания гражданина банкротом, и только одним из существенных ограничений для должника является запрет его участия в органах управления юридического лица, а также иного участия в управлении юридическим лицом. При этом ограничение правоспособности гражданина после признания его банкротом не распространяется на возможность вести предпринимательскую деятельность. Таким образом, данное лицо вправе зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя и осуществлять соответствующую деятельность. Как гражданин, так и кредиторы в данном случае обязаны действовать добросовестно и не реализовывать принадлежащее им право недозволенным образом. Однако на практике

указанный пробел в правовом регулировании позволяет гражданину иметь источник доходов и в то же время быть свободным от долговых обязательств перед кредиторами. Более того, в настоящее время законодателю не удастся реализовать существенные и более неблагоприятные последствия для гражданина, что стимулировало бы его исполнять финансовые обязательства, избегая судебной процедуры признания несостоятельным.

В связи с этим полагаем, что положения п. 3 ст. 213.30 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» нуждаются в дополнительном изучении с перспективой доработки в части, предусматривающей иные негативные правовые последствия для гражданина, объявленного банкротом, нежели только предусмотренные данной нормой, а также запрет занятия предпринимательской деятельностью в форме индивидуального предпринимательства при наличии признаков злоупотребления правами банкрота. Также полагаем, что в изучении и возможном пересмотре нуждается и трехлетний срок запрета занимать должности в органах управления юридического лица, иным образом участвовать в управлении юридическим лицом.

Подводя итог, следует отметить, что в целом положения федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» позволяют реализовывать права и законные интересы всех участников этого процесса, однако, учитывая описанные выше сложные социальные и экономические обстоятельства, а также объективные данные статистики, можно с уверенностью утверждать, что даже по прошествии пяти лет с момента принятия по-прежнему существует необходимость в совершенствовании отдельных его норм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Доходы россиян в 2019 году. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/02/2019/5c6c3a0a9a794787fc457225> (дата обращения: 30.09.2019).

² См.: Статистический бюллетень ЕФРСБ на 30 июня 2019 г. URL: <https://pravo.ru/story/213739/> (дата обращения: 30.09.2019).

³ См.: URL: <https://долг.пф/stat/ekonomika/statistika-po-delam-o-bankrotstve-za-pervoe-polugodie-2019-goda-/> (дата обращения: 11.10.2019).

⁴ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника : федер. закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Рос. газ. 2014. № 299; 2015. № 144.

⁵ См.: О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2020).

⁶ См.: Статистический бюллетень ЕФРСБ на 30 июня 2019 г.

¹ Sm.: Dohody rossiyan v 2019 godu. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/02/2019/5c6c3a0a9a794787fc457225> (data obrashcheniya: 30.09.2019).

² Sm.: Statisticheskij byulleten' EFRSB na 30 iyunya 2019 g. URL: <https://pravo.ru/story/213739/> (data obrashcheniya: 30.09.2019).

³ Sm.: URL: [https://dolg.rf/stat/ekonomika/statistika-po-delam-o-bankrotstve-za-pervoe-polugodie-2019-goda-/\(data obrashcheniya: 11.10.2019\)](https://dolg.rf/stat/ekonomika/statistika-po-delam-o-bankrotstve-za-pervoe-polugodie-2019-goda-/(data%20obrashcheniya:11.10.2019)).

⁴ Sm.: O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti regulirovaniya reabilitacionnyh procedur, primenyaemyh v otnoshenii grazhdanina-dolzhnika : feder. zakon ot 29.12.2014 № 476-FZ (red. ot 29.06.2015) // Ros. gaz. 2014. № 299; 2015. № 144.

⁵ Sm.: O besplatnoj juridicheskoy pomoshchi v Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 21.11.2011 № 324-FZ (red. ot 28.11.2015). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 01.02.2020).

⁶ Sm.: Statisticheskij byulleten' EFRSB na 30 iyunya 2019 g.

УДК 349.2

Материальная ответственность работодателя за незаконное лишение работника возможности трудиться

Н. Е. ВОНТОВА – старший преподаватель кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета

В статье рассматривается проблема материальной ответственности работодателя за незаконное лишение работника возможности трудиться: раскрывается правовая природа данного явления, анализируются основания привлечения работодателя к материальной ответственности перед работником. Автор выявляет пробелы трудового законодательства в исследуемой сфере: отсутствие правовой регламентации категорий «незаконное увольнение» и «вынужденный прогул», отсутствие законодательно установленной возможности привлечения работодателя к материальной ответственности перед работником в случае его отказа от выполнения работ с целью самозащиты своих трудовых прав. В заключение делается вывод о необходимости совершенствования трудового законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: трудовое право; работодатель; материальная ответственность; незаконное увольнение; ущерб.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Personal liability of the employer for illegal deprivation the employee's opportunity to work

N. E. VONTOVA – Senior Lecturer of the Law Department of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University

The article discusses the problem of the employer's liability for illegal deprivation of the employee's opportunity to work: the legal nature of this definition is revealed, the grounds for bringing the employer to liability for the employee are analyzed. The author identifies gaps in labor legislation in the field under study: the lack of legal regulation of the categories of "unlawful discharge" and "enforced idleness", the absence of a legislatively established possibility of bringing the employer to financial responsibility for the employee in case of his refusal to perform work in order to protect his or her labor rights. It is concluded that it is necessary to improve labor legislation in the field under study.

Key words: labor law; employer; material liability; unlawful discharge; damage.

12.00.03 – Civil law; business law; family law; international private law

Рассматривая вопрос о правовом регулировании вопросов материальной ответственности работодателя за незаконное лишение работника установленной возможности трудиться, в первую очередь необхо-

димо обратиться к самому понятию «незаконное лишение работника возможности трудиться», раскрыть сущность этого явления, выделить признаки, определяющие его правовую природу, так как в основе данного

вида материальной ответственности лежит повлекшее за собой невозможность осуществления работником своих трудовых функций противоправное действие (бездействие) работодателя.

Наука трудового права предлагает различные подходы к пониманию правовой сущности предмета нашего интереса.

В. Н. Толкунова понимает под отстранением от работы приостановление существующего между работником и работодателем трудового правоотношения¹.

О. В. Смирнов полагает, что под незаконным лишением работника возможности трудиться следует понимать осуществленное по инициативе работодателя временное приостановление трудовых функций работника или его недопущение к исполнению своих трудовых функций².

Ю. Н. Полетаев говорит о том, что лишение работника возможности трудиться можно рассматривать как его отстранение от работы (временное недопущение к ней)³. О. В. Абрамова, дополняя данное определение, добавляет, что такое отстранение сопровождается отсутствием выплаты работнику заработка за данный период.

Полагаем, что под незаконным лишением работника возможности трудиться следует понимать осуществленное по инициативе работодателя временное недопущение работника к исполнению его трудовой функции без начисления и выплаты заработной платы.

В основе привлечения работодателя к материальной ответственности перед работником могут лежать его незаконное увольнение или перевод, вследствие которых работнику был причинен материальный ущерб. В обозначенной ситуации причинение ущерба определяется следующими факторами: незаконное отстранение работника от выполняемой трудовой функции; перевод на другую работу; отказ в восстановлении работника на работе (в случае если таковая обязанность установлена судебным постановлением или актом иного уполномоченного органа); несвоевременная выдача (или отказ от выдачи) надлежащим образом заполненной трудовой книжки. Этот вид материальной ответственности работодателя закреплен в ст. 234 ТК РФ, которая устанавливает обязанность работодателя по компенсации работнику неполученного заработка во всех случаях незаконного лишения его возможности трудиться.

На наш взгляд, существенным законодательным пробелом является факт от-

сутствия в нормах ТК РФ (в частности, в ст. 234 и 394) регламентации таких правовых категорий, как незаконное увольнение и вынужденный прогул, тогда как именно они положены в основу материальной ответственности работодателя и определяют сущность данного вида ответственности, отграничивая ее от иных видов юридической ответственности. Несомненно, это является фактором, снижающим эффективность материальной ответственности работодателя, и трудовое законодательство должно содержать в себе четкое определение данного термина⁴.

Наука, как правило, рассматривает данный вопрос в контексте перечисления ситуаций невыполнения работодателем установленных законом положений, регулирующих порядок увольнения работника. Например, по мнению Т. Н. Козловой, незаконным будет признано такое увольнение, которое было осуществлено по тем основаниям, которые не предполагаются нормами трудового законодательства Российской Федерации: если при увольнении по инициативе работодателя не были учтены положения ст. 81 ТК РФ (например, работник был уволен в период нахождения на больничном), не были применены гарантии, предусмотренные ст. 261 ТК РФ при увольнении беременных, а также имеющих ребенка в возрасте до трех лет женщин, если при увольнении несовершеннолетнего работника не было получено согласие со стороны уполномоченного, компетентного органа, при сокращении штата работнику не была предложена другая работа или должность, были нарушены порядок и (или) сроки увольнения работника по собственному желанию (либо его право на отзыв поданного заявления)⁵.

Рассматривая категории правомерного (законного) и неправомерного увольнения, следует обратиться к нормам трудового законодательства, которые устанавливают, что основанием наступления материальной ответственности работодателя является именно такое расторжение трудового договора, которое было произведено неправомерно, то есть с нарушением существующих законодательных требований к порядку увольнения работника. Однако при этом ТК РФ не определяет понятия «правомерность» и «неправомерность», в связи с чем разработка последних носит достаточно актуальный характер как с теоретической, так и практической точек зрения. Ведь именно исследования данных категорий позволит

сформулировать дефиницию «незаконное увольнение».

По нашему мнению, дефиниция понятия «правомерное увольнение» может выглядеть следующим образом: это осуществленное по законным основаниям и документально оформленное прекращение трудовых отношений с работником по инициативе работодателя при условии соблюдения гарантий, установленных трудовым законодательством. Данное определение позволяет достаточно четко выделить критерии правомерности, исключить неясность трактовки и сформулировать понятие «незаконное увольнение», разработка которого крайне важна, поскольку неправомерность прекращения трудовых правоотношений с работником предопределяет возможность привлечения работодателя к материальной ответственности. Подводя итог вышесказанному, отметим, что под неправомерным (незаконным) увольнением понимается такое прекращение трудовых отношений, которое было осуществлено без соблюдения законодательных требований, предопределяющих правомерность факта увольнения.

Существенной проблемой в рассматриваемой сфере также является отсутствие законодательно установленной возможности привлечения работодателя к материальной ответственности перед работником в случае его отказа от выполнения работ с целью самозащиты своих трудовых прав. Правовым последствием незаконного лишения работника возможности выполнять свои трудовые функции является возникновение такой ситуации, которая имеет законодательное определение как вынужденный прогул. В отличие от обычного прогула, предопределяемого виной работника вследствие неявки на работу без уважительных причин, вынужденный прогул происходит исключительно по вине работодателя и всегда влечет за собой наступление у работника убытков. Поэтому причиненный ущерб подлежит компенсации в порядке, установленном нормами трудового законодательства.

Главным фактором определения суммы компенсации за время вынужденного прогула является его длительность. Допущенный по вине работодателя простой в работе оплачивается работнику исходя из его среднемесячного заработка (в отличие от неоплачиваемого простоя по вине работника и от простоя по не зависящим ни от работодателя, ни от работника причинам, который оплачивается в размере не менее

двух третей от среднемесячного заработка работника).

Законодательным пробелом, на наш взгляд, является отсутствие регламентации вопроса о привлечении работодателя к материальной ответственности за вынужденный прогул работника, если таковой был предопределен самозащитой трудовых прав. Изначальная возможность такой защиты предусмотрена ст. 379 ТК РФ. Анализ норм трудового законодательства позволяет сделать вывод, что если вынужденный прогул состоялся вследствие самозащиты работником трудовых прав (нарушаемых работодателем), то он должен компенсироваться наряду с другими ситуациями простоя по вине работодателя. При этом самозащита трудовых прав не нарушает положения трудового законодательства и трудовую дисциплину, поэтому не может являться основанием освобождения работодателя от обязанности возместить работнику причиненные убытки.

В основе самозащиты трудовых прав может лежать такая работа, которая таит в себе угрозу для здоровья или жизни работника или изначально не предусмотрена положениями заключенного с работодателем трудового договора. В целях защиты прав работника нормы трудового законодательства закрепляют его возможность трудиться в условиях, отвечающих установленным нормам и требованиям и не ухудшающих физическое или психическое состояние. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости выделения такого самостоятельного основания наступления материальной ответственности работодателя, как простой с целью самозащиты нарушенных или оспоренных трудовых прав работника.

Рассматривая вопрос о материальной ответственности работодателя за вынужденный прогул, необходимо определить и такой термин, как простой. Ведь эти понятия носят тождественный характер и имеют практически идентичную смысловую нагрузку. Под простоем понимается временное приостановление работы по причинам экономического, технологического, технического или организационного характера (ст. 72.2 ТК РФ). Если работник допускает простой в целях самозащиты, как правило, в основе этого лежат такие действия работодателя, которые характеризуются противоправностью и виновностью (в форме умысла), что предопределяет объективную невозможность продолжения осуществления работником

своей трудовой функции. Как следствие, полагаем, что вынужденный прогул (хотя и совершенный работником по собственной инициативе, но вследствие необходимости самозащиты) можно квалифицировать как неправомерное лишение работника возможности трудиться. Однако законодательная регламентация привлечения работодателя к материальной ответственности по данному основанию отсутствует. В связи с этим необходимо на законодательном уровне предусмотреть обязанность работодателя возмещать работнику причиненный ущерб (в форме невыплаченных доходов) во всех случаях незаконного лишения права трудиться (включая самозащиту).

Трудовое законодательство обязывает работодателя к возмещению причиненного ущерба работнику тогда, когда в основание материальной ответственности закладывается неисполнение или ненадлежащее исполнение предусмотренных законом обязательств перед работником⁶. Таковым может считаться внесение в трудовую книжку работника неверной или не соответствующей закону формулировки причины его увольнения с работы (ст. 234 ТК РФ), так как это может иметь негативные правовые последствия, например способно воспрепятствовать заключению последующего трудового договора работника с потенциальным работодателем и вызвать убытки в виде неполученной заработной платы. С этой точки зрения невыплаченную работнику заработную плату можно расценивать как упущенную выгоду. Положения ст. 234 ТК РФ устанавливают обязанность по компенсации работодателем заработной платы работнику, если будет установлена его вина в ее неполучении работником. Такая компенсация осуществляется в полном размере, что позволяет говорить о том, что в данной ситуации работодатель несет материальную ответственность.

С целью защиты прав работника в ст. 234 ТК РФ устанавливаются такие основания для наступления материальной ответственности работодателя в сфере заполнения и выдачи трудовых книжек, как задержка выдачи работнику трудовой книжки, внесение в трудовую книжку такой формулировки причины увольнения работника, которая не соответствует действительному положению вещей, внесение не соответствующей законодательству формулировки причины увольнения работника.

Основание, обязывающее работодателя компенсировать материальный ущерб,

причиненный работнику в случае внесения им неправильной или не соответствующей законодательству формулировки причины увольнения в трудовую книжку, устанавливает обязанность работника доказать факт, что именно эта запись послужила препятствием к заключению трудового договора у другого работодателя, так как от этого зависит решение вопроса о возможности привлечения работодателя к материальной ответственности. Поэтому необходимо сформулировать правило о наступлении обязанности работодателя компенсировать не полученную работником заработную плату в случае задержки выдачи трудовой книжки.

Внесение в трудовую книжку определенных записей, на наш взгляд, необходимо выделить в качестве отдельного основания привлечения работодателя к ответственности перед работником. Так, предлагаем дополнить ст. 234 ТК РФ пятым абзацем: работодатель обязан компенсировать не полученный работником заработок в случаях незаконного лишения его возможности трудиться. Установленная обязанность наступает, если заработок не получен в результате внесения в трудовую книжку не соответствующей законодательству формулировки причины увольнения работника (при условии доказанности, что она препятствовала поступлению работника на другую работу).

Отличительной чертой материальной ответственности работодателя является установленная на законодательном уровне обязанность по компенсации работнику причиненного ущерба, что предопределяет имущественную и компенсаторную природу данного подвида юридической ответственности. По своей правовой природе материальная ответственность работодателя отличается установлением его обязанности по компенсации работнику не только реально причиненного ущерба, но и неполученного заработка. В связи с этим некоторые авторы, например Е. В. Уракова, говорят о том, что материальная ответственность работодателя представляет собой возмещение упущенной выгоды, а не компенсацию исключительно реально причиненного работнику ущерба⁷. К. А. Михайличенко считает, что именно поэтому материальная ответственность работодателя по данному основанию имеет характер компенсации⁸.

В настоящее время трудовое законодательство и судебная практика не содержат определения понятия «ущерб». Поскольку

в основе наступления материальной ответственности работодателя лежит ущерб (вред), причиненный работнику, необходимо иметь четкое представление о том, что такое ущерб и как он исчисляется. Достаточно часто происходит отождествление понятий «ущерб» и «вред». На наш взгляд, понятие ущерба носит более комплексный

характер и требует проработки с точки зрения теории трудового права. Полагаем, что выработка единого подхода к пониманию данного понятия и порядку исчисления ущерба окажет положительное влияние на рассмотрение вопроса о его компенсации при наступлении материальной ответственности работодателя перед работником.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Толкунова В. Н. Комментарий к Кодексу законов о труде Российской Федерации / под ред. К. Н. Гусова. М., 2000. С. 99.

² См.: Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. О. В. Смирнова. М., 2004. С. 164.

³ См.: Полетаев Ю. Н. К вопросу о правовом регулировании отстранения от работы // Пробелы в трудовом праве и праве социального обеспечения и пути их устранения. М., 2008. С. 137.

⁴ См.: Савин В. Т. Материальная ответственность работодателя перед работником в случае его незаконного увольнения // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 80.

⁵ См.: Козлова Т. Н. Материальная ответственность работодателя // Трудовое право. 2003. № 7. С. 63.

⁶ См.: Савин В. Т. Материальная ответственность работодателя за внесение в трудовую книжку неверной формулировки причины увольнения работника // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 133.

⁷ См.: Уракова Е. В. О некоторых проблемах материальной ответственности работодателя // Правовые вопросы строительства. 2013. № 2. С. 16.

⁸ См.: Михайличенко К. А. Проблемы привлечения работодателя к материальной ответственности, связанной с лишением работника возможности трудиться // Наука и современность. 2014. № 33. С. 243.

¹ Sm.: Tolkunova V. N. Kommentarij k Kodeksu zakonov o trude Rossijskoj Federacii / pod red. K. N. Gusova. M., 2000. S. 99.

² Sm.: Kommentarij k Trudovomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod red. O. V. Smirnova. M., 2004. S. 164.

³ Sm.: Poletaev JU. N. K voprosu o pravovom regulirovanii otstraneniya ot raboty // Probely v trudovom prave i prave social'nogo obespecheniya i puti ih ustraneniya. M., 2008. S. 137.

⁴ Sm.: Savin V. T. Material'naya otvetstvennost' rabotodatel'ya pered rabotnikom v sluchae ego nezakonnogo uvol'neniya // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2015. № 2. S. 80.

⁵ Sm.: Kozlova T. N. Material'naya otvetstvennost' rabotodatel'ya // Trudovoe pravo. 2003. № 7. S. 63.

⁶ Sm.: Savin V. T. Material'naya otvetstvennost' rabotodatel'ya za vnesenie v trudovuyu knizhku nevernoj formulirovki prichiny uvol'neniya rabotnika // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2017. № 4. S. 133.

⁷ Sm.: Urakova E. V. O nekotoryh problemah material'noj otvetstvennosti rabotodatel'ya // Pravovye voprosy stroitel'stva. 2013. № 2. S. 16.

⁸ Sm.: Mihajlichenko K. A. Problemy privlecheniya rabotodatel'ya k material'noj otvetstvennosti, svyazannoju s lisheniem rabotnika vozmozhnosti trudit'sya // Nauka i sovremennost'. 2014. № 33. S. 243.

Классификация религиозных объединений в советском законодательстве

О. Б. МОЛОДОВ – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат исторических наук

В статье анализируется официальная классификация религиозных объединений, закрепленная в законодательстве советского периода истории России (1917–1991 гг.). Отмечается, что в исследуемый период понятийный аппарат в данной сфере общественных отношений был недостаточно разработан, а в правоприменительной практике основную роль играли ведомственные нормативные акты, нацеленные на подавление религиозной активности населения.

Ключевые слова: Советское государство; религиозное законодательство; верующий; секта; правовое регулирование.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Classification of religious associations in Soviet legislation

O. B. MOLODOV – Associate Professor of the Law Department of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD. in History

The article analyzes the official classification of religious associations, enshrined in the legislation of the Soviet period in the history of Russia (1917–1991). It is noted that in the study period the conceptual apparatus in this sphere of public relations was not sufficiently developed, and in law enforcement practice the main role was played by departmental normative acts aimed at suppressing the religious activity of the population.

Key words: Soviet state; religious law; believer; sect; legal regulation.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of studies of law and state

Принятие Декрета СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» ознаменовало переход к новой модели государственно-конфессиональных отношений в России, а затем и в СССР.

Современные историки и правоведы относятся к данному документу весьма критично, указывая, что его содержание «представляет собой совокупность норм, не только противоречащих друг другу, но и допускающих его неоднозначное толкование»¹. При этом в декрете отсутствует понятие религиозного объединения (организации,

общества), имеется запрет на предоставление общинам верующих прав юридического лица (ст. 12). В результате права ограниченного юридического лица формально появились у религиозных организаций только в 1975 г.

Именно в этом нормативном акте впервые появляется понятие «религиозное общество», широко используемое в советском законодательстве о культах. Что касается классификации объединений верующих, то в ст. 10–13 упоминаются только церковные и религиозные общества. Соотношение и содержание понятий «религиозное общество»

и «церковное общество» неясно. Логично предположить, что к церковным обществам относились общины конфессий, имеющих строгую организацию и систему управления (церковь), а остальные общины верующих считались религиозными обществами.

Краткость и «пробельность» декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» была отчасти преодолена Постановлением Наркомата юстиции от 24.08.1918 «О порядке проведения в жизнь Декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”», по существу утвердившим инструкцию по его применению². В отношении типологии религиозных объединений была предложена трехчленная классификация:

1) церкви (православная, старообрядческая, католическая всех обрядов, армяно-григорианская, протестантская);

2) исповедания (иудейское, магометанское, буддийско-ламаистское);

3) иные частные религиозные общества, образовавшиеся для отправления какого-либо культа (п. 1).

Становится очевидным, что к церковным обществам законодатель относит общины верующих всех христианских деноминаций, а к религиозным – общины остальных конфессий. Понятие «секта», используемое в законодательстве царской России, а также перечни запрещенных культов в данных актах не встречаются.

Однако в указанном постановлении отсутствует определение понятия «религиозное общество», а содержится только указание на минимальное число местных жителей, получающих в пользование богослужебное имущество. Согласно п. 6 данного подзаконного акта их количество определяется местным Советом рабочих и крестьянских депутатов, но не может быть менее 20 чел. Это представление о «двадцатке» как общине единоверцев, имеющей право на получение регистрации, надолго сохранится в советском законодательстве.

Понятия «религиозное общество» и «церковное общество» без пояснений встречаются в иных нормативных актах Советской России: Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. (ст. 122, 123), Инструкции Наркомюста и НКВД РСФСР от 27.04.1923 «О порядке регистрации религиозных обществ и выдаче разрешений на созыв съездов таковых»³.

Важнейшую роль в регулировании государственно-конфессиональных отношений в 1930–1980-е гг. играло Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 «О религиозных объединениях», действовавшее

впоследствии с поправками 1975 г.⁴ В нем впервые встречается понятие «религиозное объединение» и выделяются их виды, а также закрепляется обязательная регистрация общин и групп⁵. В основу классификации религиозных объединений был положен критерий минимальной численности единоверцев, стремящихся к официальной регистрации своей общины. Так, новое законодательство закрепило существование религиозных обществ и религиозных групп независимо от их конфессиональной принадлежности.

В абз. 1 ст. 3 постановления «О религиозных объединениях» религиозное общество определялось как «местное объединение верующих граждан, достигших 18-летнего возраста, одного и того же культа, вероисповедания, направления или толка в количестве не менее 20 лиц, объединившихся для совместного удовлетворения своих религиозных потребностей». Верующим гражданам, которые в силу своей малочисленности не могут образовать религиозного общества, предоставлялось право образовывать группу верующих (абз. 2 ст. 3).

Юридическое определение религиозного общества содержало ряд признаков: проживание единоверцев в одной местности, единство вероисповедания или культа, совершеннолетний возраст членов «двадцатки». Общей целью религиозного объединения провозглашалось совместное удовлетворение религиозных потребностей. Отсюда видно, что в совокупности с другими статьями постановления данное определение заложило основы ограничений для общин верующих, например запрет заниматься религиозной пропагандой, воспитанием и обучением детей основам верования, благотворительностью и т. п.

Кроме того, в ст. 2 указанного постановления в качестве субъектов государственно-конфессиональных отношений перечисляются церкви, религиозные группы, толки, религиозные течения и прочие культовые объединения. Включение данного перечня в нормативный акт, на наш взгляд, не являлось целесообразным. Введение дополнительных понятий, не имеющих юридического содержания, вызывает вопросы. Например, неясна тождественность понятий «религиозное объединение» и «культовое объединение». Очевидно, что религиозные течения и толки не могут подлежать государственной регистрации, поскольку не обладают признаками религиозного объединения. Видимо, целью законодателя была

демонстрация многообразия конфессий, существующих в стране и имеющих возможность официального признания. Данный перечень, как представляется, не вносит каких-либо дополнений в классификацию религиозных объединений, предложенную в ст. 3 постановления «О религиозных объединениях».

В период антирелигиозной кампании 1958–1964 гг., инициированной Н. С. Хрущевым, в правовом регулировании статуса религиозных объединений произошли существенные изменения. Характерной чертой советской правовой системы того времени было наличие закрытых подзаконных актов, в значительной мере искажавших принципиальные положения действовавших конституций и законов⁶. К ним в полной мере можно отнести Инструкцию по применению законодательства о культах от 16.03.1961⁷. Утвержденная Советом по делам Русской православной церкви и Советом по делам религиозных культов, она была разослана в регионы уполномоченным этих органов с грифом «не для печати».

Данная инструкция, будучи документом, конкретизирующим и толкующим постановление «О религиозных объединениях», равное по юридической силе закону, в ряде случаев расширительно его разъясняла, особенно в части запретительных мер в отношении религиозных объединений. В ней сохранился общий принцип их деления на религиозные общины и группы верующих (п. 2), и содержался особый список конфессий, не подлежащих регистрации. К ним относились религиозные общества и группы, «принадлежащие к сектам, вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, истинно-православные христиане, адвентисты-реформисты, мурашковцы и т. п.» (п. 23).

В данной инструкции впервые за многие годы появились понятия «секта» и «изуверская секта», использовавшиеся ранее в Российской империи⁸. В частности, ст. 96 Уголовного уложения 1903 г. закрепляла наказание «за принадлежность к расколоучению или секте, соединенной с изуверным посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или явно безнравственными действиями»⁹.

В отличие от дооктябрьской России объединения верующих ряда рационалистических сект – евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) и адвентистов седьмого дня (АСД) – могли получить официальную регистра-

цию и действовать легально. Исключение составляли представители Совета церквей ЕХБ – группы верующих, отколовшихся от Союза ЕХБ в начале 1960-х гг. и не признававших лояльность большинства баптистов к советской власти, а также адвентисты-реформисты, указанные в п. 23 Инструкции по применению законодательства о культах. Власти преследовали раскольников за их антисоветскую деятельность. Совет по делам религий издал специальное постановление от 07.09.1966 «О работе по пресечению противозаконных действий сторонников так называемого “Совета церквей ЕХБ”», где отмечалось, что «благодаря усилению активности уполномоченных, твердой позиции местных органов власти влияние т. н. “Совета церквей” удалось несколько подорвать»¹⁰.

Важно отметить, что перечень запрещенных вероисповеданий оставался открытым, что позволяло чиновникам его произвольно дополнять. Таким образом, в указанной выше инструкции была выделена группа конфессий, не подлежащих регистрации в качестве религиозного общества или группы. Интересно, что в некоторых странах современной Европы и в Японии также существуют ограничения и запреты в отношении Свидетелей Иеговы, Церкви саентологии, АУМ Синрикё и других объединений¹¹.

Как свидетельствуют архивные источники, на Европейском Севере в 1950–1980-е гг. действовали религиозные группы баптистов, адвентистов, иеговистов, пятидесятников, реже – истинно-православных христиан и меннонитов. Официальную регистрацию после многолетней борьбы удалось получить только крупным общинам ЕХБ г. Архангельска и г. Череповца Вологодской области¹². Остальные группы существовали полулегально, под строгим контролем властей и правоохранительных органов, а их лидеры нередко привлекались к ответственности по «антисектантской» ст. 227 УК РСФСР «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения»¹³.

Новые законы переходного периода – Закон СССР от 01.10.1990 «О свободе совести и о религиозных организациях»¹⁴ и Закон РСФСР от 25.12.1990 «О свободе вероисповеданий»¹⁵ – свидетельствовали о коренных изменениях в системе государственно-конфессиональных отношений. Результатом их вступления в силу стало снятие всех ограничений, ранее налагавшихся на религиозные объединения: получение ими прав юридического лица, широких возможностей

в сфере миссионерской, образовательной, благотворительной и иной деятельности¹⁶.

Почти не ограниченные законом возможности привели к небывалому количественному росту религиозных общин и плюрализму в духовной сфере, в ряде случаев несущему угрозу общественной безопас-

ности. Вышеизложенное позволяет исследователям характеризовать 1990-е гг. как этап «абсолютной религиозной свободы»¹⁷, завершившийся принятием ныне действующего Федерального закона от 26.09.1997 «О свободе совести и о религиозных объединениях».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000. С. 49–50.

² См.: Изв. ВЦИК. 1918. 30 авг.

³ См.: Там же. 1923. 27 апр.

⁴ См.: Там же. 1929. 26, 27, 28 апр.

⁵ См.: Сосковец Л. И. Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Учен. зап. С.-Петерб. им. В. Б. Бобкова филиала РТА. 2003. № 1. С. 312.

⁶ См.: Молодов О. Б. Особенности правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в СССР в период позднего социализма // *Ius publicum et privatum*. 2020. № 1 (6). С. 5–8.

⁷ См.: Государственный архив Архангельской области (ГАО). Ф. 5698. Оп. 3. Д. 98. Л. 72–81.

⁸ См.: Ерофеев К. Б. Понятие «изуверские секты» в отечественном законодательстве // Юрид. мысль. 2017. № 4 (102). С. 22–28.

⁹ См.: Новое Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. 250 с.

¹⁰ ГАО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 123. Л. 33.

¹¹ См.: Бирюков В. Ю. Зарубежный опыт применения ограничительных мер к нетрадиционным религиозным сообществам // Вестн. РХГА. 2012. Т. 13. № 3. С. 41.

¹² См.: Молодов О. Б. Евангельские христиане-баптисты г. Череповца и их отношения с властями в период позднего социализма // Вестн. Сев.-Кав. гум. ин-та. 2018. № 2 (26). С. 155–160.

¹³ См.: Ерофеев К. Б. Понятие «изуверские секты» в отечественном законодательстве.

¹⁴ Ведомости Съезда нар. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.

¹⁵ Новые законы России. М., 1991. С. 151–166.

¹⁶ См.: Полозова К. А. Советское законодательство о религии (1929–1990 гг.) сквозь призму исторического анализа // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2013. № 1. С. 140.

¹⁷ См.: Старков О. В., Башкатов Л. Д. История уголовно-правовой борьбы с религиозной преступностью // История гос-ва и права. 2001. № 1. С. 9–15.

¹ Kunicyn I. A. Pravovoj status religioznych ob»edinenij v Rossii: istoricheskij opyt, osobennosti i aktual'nye problemy. M., 2000. S. 49–50.

² Sm.: Izv. VCIK. 1918. 30 avg.

³ Sm.: Tam zhe. 1923. 27 apr.

⁴ Sm.: Tam zhe. 1929. 26, 27, 28 apr.

⁵ Sm.: Soskovec L. I. Pravovoe polozhenie religioznych organizacij v sovetskom gosudarstve // Uchen. zap. S.-Peterb. im. V. B. Bobkova filiala RTA. 2003. № 1. S. 312.

⁶ Sm.: Molodov O. B. Osobennosti pravovogo regulirovaniya gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij v SSSR v period pozdnego socializma // *Ius publicum et privatum*. 2020. № 1 (6). S. 5–8.

⁷ Sm.: Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti (GAAO). F. 5698. Op. 3. D. 98. L. 72–81.

⁸ Sm.: Erofeev K. B. Ponyatie «izuverskie sekty» v otechestvennom zakonodatel'stve // YUrid. mysl'. 2017. № 4 (102). S. 22–28.

⁹ Sm.: Novoe Ugolovnoe Ulozhenie, Vysochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g. SPb., 1903. 250 s.

¹⁰ GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 123. L. 33.

¹¹ Sm.: Biryukov V. YU. Zarubezhnyj opyt primeneniya ogranichitel'nyh mer k netradicionnym religiozным soobshchestvam // Vestn. RHGA. 2012. T. 13. № 3. S. 41.

¹² Sm.: Molodov O. B. Evangel'skie hristiane-baptisty g. Cherepovca i ih otnosheniya s vlastyami v period pozdnego socializma // Vestn. Sev.-Kav. gum. in-ta. 2018. № 2 (26). S. 155–160.

¹³ Sm.: Erofeev K. B. Ponyatie «izuverskie sekty» v otechestvennom zakonodatel'stve.

¹⁴ Vedomosti S»ezda nar. deputatov SSSR i Verhov. Soveta SSSR. 1990. № 41. St. 813.

¹⁵ Novye zakony Rossii. M., 1991. S. 151–166.

¹⁶ Sm.: Polozova K. A. Sovetskoe zakonodatel'stvo o religii (1929–1990 gg.) skvoz' prizmu istoricheskogo analiza // Vestn. Tver. gos. un-ta. 2013. № 1. S. 140.

¹⁷ Sm.: Starkov O. V., Bashkatov L. D. Istoriya ugovovno-pravovoj bor'by s religioznoj prestupnost'yu // Istoriya gos-va i prava. 2001. № 1. S. 9–15.

УДК 343.265

Проблемы применения условно-досрочного освобождения к лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы

А. А. ПАВЛОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

В. Н. КАЛИННИКОВ – курсант 4 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются становление такого уголовного наказания, как пожизненное лишение свободы, актуальность изучения проблемы применения условно-досрочного освобождения к лицам, осужденным к данному наказанию, анализируются количественные и качественные показатели, причинный комплекс, а также предлагаются пути устранения выявленных пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: история уголовного наказания; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; преступление; пожизненное лишение свободы; причинный комплекс.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Problems of applying grant of parole to persons sentenced to life imprisonment

A. A. PAVLOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

V. N. KALINNIKOV – 4th year cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article discusses the establishment of such a criminal punishment as life imprisonment, the relevance of studying the problem of applying parole to persons sentenced to this punishment, analyzes its quantitative and qualitative indicators, the causal complex, and suggests ways to solve the identified problems and gaps in the legislation .

Key words: history of criminal punishment; grant of parole; crime; life imprisonment; causal complex.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Впервые такое уголовное наказание, как пожизненное лишение свободы, было закреплено в Законе РСФСР от 17.12.1992 «О внесении изменений в ст. 24 УК РСФСР»¹. Изначально оно применялось в порядке помилования в качестве замены смертной

казни и не рассматривалось законодателем как самостоятельный вид наказания. Лишь в УК РФ 1996 г. данный вид уголовной ответственности получил юридическое оформление (п. «м» ст. 44 УК РФ). В настоящее время согласно УК РФ пожизненное лишение сво-

боды – один из видов наказания, которое устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Следует отметить, что данное наказание отбывают и лица, которым в качестве альтернативы смертной казни было назначено пожизненное лишение свободы. В конечном итоге это привело к росту числа осужденных данной категории. Так, на 1 августа 2019 г. в семи исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, отбывало наказание 2015 чел.²

Важное место в изучении данного вопроса занимает проблема применения к лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, условно-досрочного освобождения. В частности, просматриваются недочеты и пробелы в законодательстве Российской Федерации в данной сфере, которые влияют на качественные и количественные признаки, а также на причинный комплекс. В такой ситуации представляется необходимым предложить пути разрешения существующих трудностей. В частности, следует пересмотреть вопрос применения к данной категории осужденных принудительных мер медицинского характера, а также внести изменения в срок, который требуется для реализации условно-досрочного освобождения.

Осужденные к пожизненному лишению свободы содержатся в отдельных исправительных колониях. На территории Российской Федерации семь таких учреждений: «Черный дельфин» (Оренбургская область), «Полярная сова» (Тюменская область), «Белый лебедь» (Пермский край), «Черный беркут» (Свердловская область), «Вологодский пятак» (Вологодская область), «Мордовская зона» и «Торбеевский централ» (Республика Мордовия). Все осужденные содержатся в колониях особого режима, где размещаются в камере с характерными ограничениями режима³.

В ч. 5 ст. 79 УК РФ определяются особенности условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному заключению. В частности, лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если: суд при-

знает, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании данного наказания; данное лицо фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы; данный осужденный в течение трех лет не признавался злостным нарушителем установленного порядка, а также им не было совершено в период отбывания наказания новое тяжкое или особо тяжкое преступление. Таким образом, для того чтобы осужденный смог получить право на условно-досрочное освобождение, ему необходимо соблюдать перечень обязательных требований.

Практика реализации условно-досрочного освобождения в отношении рассматриваемой категории осужденных свидетельствует, что данная норма судами Российской Федерации не применяется. Председатель судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам В. Давыдов отмечает, что в 2018 г. судами было рассмотрено более 132 тыс. ходатайств по условно-досрочному освобождению, в том числе и в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, совершивших преступления различной степени тяжести. Удовлетворено из них только чуть более 40 %. При этом осужденные понимают, что надежд на условно-досрочное освобождение от уголовного наказания все меньше. Этот вывод можно сделать на основе уменьшения количества просьб об освобождении и процента положительных решений. Так, в 2012 г. 51 % осужденных подал соответствующие ходатайства, в 2013 г. – 46 %, в 2014 г. – 41 %, а в 2016 г. – 40 %⁴.

По данным на 2018 г., в исправительных учреждениях России отбывали пожизненное лишение свободы 1860 осужденных, из них порядка двухсот человек провели в заключении 25 лет и тем самым получили право обратиться с ходатайством об условно-досрочном освобождении. Отметим, что ранее в судах было зарегистрировано несколько случаев подачи таких прошений, однако ни одно ходатайство не было удовлетворено⁵. В феврале 2018 г. в средствах массовой информации сообщалось об освобождении 63-летнего Анвара Масалимова, приговоренного к смертной казни за убийство человека, совершенное в 1991 г. В 1998 г. приговор был ему заменен на пожизненное лишение свободы. Свое наказание осужденный отбывал в Вологодской области. За период отбывания наказания данный гражданин неоднократно обращался в суды различных инстанций с просьбами о смягчении приговора. В 2008 г. Белозерский

районный суд по Вологодской области пересмотрел дело, переqualificировав его со ст. 102 УК РСФСР на ст. 103 УК РСФСР. Таким образом, вместо наказания в виде смертной казни данному осужденному было назначено наказание в виде десяти лет лишения свободы. Анвар Масалимов был освобожден в 2016 г. Статистические данные ФСИН России свидетельствуют, что данный прецедент не является единственным. По состоянию на апрель 2018 г. всего пятерым осужденным, которым смертная казнь в порядке помилования в разные годы была заменена пожизненным лишением свободы, удалось выйти на свободу. Но основанием для их освобождения стал пересмотр приговора в связи с гуманизацией уголовных наказаний, что никак не касалось условно-досрочного освобождения⁶.

На наш взгляд, практика судов об отказе в условно-досрочном освобождении осужденным к пожизненному лишению свободы оправдана. Осужденные не смогут быстро приспособиться к нормальной жизни на свободе, им будет сложно трудоустроиться ввиду достижения пенсионного возраста. У большинства нет социально полезных связей, места жительства. Многие осужденные в процессе отбывания наказания приобрели тяжелые хронические заболевания. Наиболее проблемным моментом является решение вопроса об условно-досрочном освобождении лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы за серийные преступления, совершенные по сексуальным мотивам. Общество не готово к освобождению таких лиц, считая, что они должны находиться только в местах лишения свободы⁷.

Обратимся к еще одной проблеме, связанной с исполнением наказания в отношении лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы. Это правомерность применения повторных принудительных мер медицинского характера к рассматриваемой категории осужденных. Так, суд вправе назначить принудительную меру медицинского характера повторно лицу, страдающему педофилией, в отношении которого до этого уже принималось решение о ее прекращении, опираясь на ч. 2.1 ст. 102 УК РФ.

Хочется поддержать точку зрения А. А. Батанова, который говорит, что данное положение «противоречит доктрине российского уголовного права и судебной практике, в которых прямо прописано, что принудительное лечение после отмены принудительных мер медицинского характера применяется только в случаях совершения лицом нового

общественно опасного деяния, когда по характеру содеянного и своему болезненному состоянию это лицо представляет опасность для общества»⁸. Таким образом, считаем, что данное положение подлежит исключению из текста ч. 2.1 ст. 102 УК РФ и ч. 4 ст. 18 УИК РФ. В частности, вопрос об организации лечения осужденных, которые страдают расстройством сексуальных предпочтений, должен быть разрешен другими мерами, которые не будут противоречить законодательству Российской Федерации, а также доктрине российского уголовного права.

Еще одним спорным моментом является срок отбывания наказания, при котором лицо имеет право на условно-досрочное освобождение. Так, в России данный срок составляет 25 лет лишения свободы. Анализ законодательства других стран мира показывает, что временные рамки везде разные. Так, в Японии это 10 лет лишения свободы⁹; в Бельгии, стране с конституционной парламентской монархией, и Швейцарии, федеративной парламентской республике, – 15 лет¹⁰. Отметим, что существуют страны, где такое наказание, как пожизненное лишение свободы, отсутствует (Бразилия, Исландия, Испания, Мексика, Норвегия, Хорватия и др.)¹¹.

По мнению Д. В. Горбача и некоторых других ученых, 15 лет отбывания наказания вполне достаточно при применении права на условно-досрочное освобождение¹². Возможно и законодательное закрепление испытательного срока для данной категории осужденных, в частности для того, чтобы лицо, прожив за пределами исправительного учреждения, осознало, сможет ли оно подстроиться под реалии современной жизни. Понимая, что ресоциализация данных лиц достаточно трудна, необходимо отправлять осужденных до наступления срока возможного освобождения в центры адаптации.

Таким образом, можно сделать вывод, что в законодательстве Российской Федерации, регламентирующем применение условно-досрочного освобождения к лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, имеется ряд пробелов. Так, на наш взгляд, нужно пересмотреть вопрос применения к данной категории осужденных принудительных мер медицинского характера, устранив противоречия законодательству Российской Федерации, а также доктрине уголовного права. Необходимо скорректировать срок, который требуется для применения условно-досрочного освобождения, заменив его на более короткий и при этом установив испытательный срок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ведомости Съезда народ. депутатов РСФСР и Верхов. Совета РФСР. 1993. № 1. Ст. 9.

² См.: Четверть века в тюрьме. Почему выпустили пожизненно осужденного. URL: <https://www.m24.ru/articles/sudy/08022018/152187> (дата обращения: 25.10.2019).

³ См.: УДО 2019: поправки в интересах заключенного. URL: <https://www.cherlock.ru/articles/popravki-po-udo-na-2018-smotret-ne-na-ugolovnye-stati-a-na-cheloveka> (дата обращения: 25.10.2019).

⁴ См.: Статистика УДО: досрочное освобождение осужденных. URL: http://vavilon.ru/statistika-udo/#_2017 (дата обращения: 25.10.2019).

⁵ См.: Кекелидзе З. Экспертные мнения. URL: <http://fedpress.ru/> (дата обращения: 25.10.2019).

⁶ См.: Пятерых пожизненно осужденных россиян выпустили на волю. URL: <https://lenta.ru/news/2018/04/27/pozhiznenno/> (дата обращения: 25.10.2019).

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Батанов А. Н. Уголовно-правовые вопросы применения принудительных мер медицинского характера к лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией). URL: <https://base.garant.ru/55880060/> (дата обращения: 25.10.2019).

⁹ См.: Плющева Е. Л. Регулирование института условно-досрочного освобождения в отношении осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы. URL: <http://отрасли-права.pf/article/12157> (дата обращения: 25.10.2019).

¹⁰ Диаконов В. В. Уголовное право РФ. Пожизненное лишение свободы. URL: https://wiki2.org/ru/Пожизненное_лишение_свободы (дата обращения: 25.10.2019).

¹¹ Уголовные кодексы зарубежных стран. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 25.10.2019).

¹² См.: Плющева Е. Л. Регулирование института условно-досрочного освобождения в отношении осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы. URL: <http://отрасли-права.pf/article/12157> (дата обращения: 25.10.2019).

¹ Sm.: Vedomosti S»ezda narod. deputatov RSFSR i Verhov. Soveta RFSR. 1993. № 1. St. 9.

² Sm.: CHetvert' veka v tyur'me. Pochemu vypustili pozhiznenno osuzhdennogo. URL: <https://www.m24.ru/articles/sudy/08022018/152187> (data obrashcheniya: 25.10.2019).

³ Sm.: UDO 2019: popravki v interesah zaklyuchennogo. URL: <https://www.cherlock.ru/articles/popravki-po-udo-na-2018-smotret-ne-na-ugolovnye-stati-a-na-cheloveka> (data obrashcheniya: 25.10.2019).

⁴ Sm.: Statistika UDO: dosrochnoe osvobozhdenie osuzhdennyh. URL: http://vavilon.ru/statistika-udo/#_2017 (data obrashcheniya: 25.10.2019).

⁵ Sm.: Kekelidze Z. Ekspertnye mneniya. URL: <http://fedpress.ru/> (data obrashcheniya: 25.10.2019).

⁶ Sm.: Pyateryh pozhiznenno osuzhdennyh rossiyan vypustili na volyu. URL: <https://lenta.ru/news/2018/04/27/pozhiznenno/> (data obrashcheniya: 25.10.2019).

⁷ Sm.: Tam zhe.

⁸ Sm.: Batanov A. N. Ugolovno-pravovye voprosy primeneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera k licam, stradayushchim rasstrojstvom seksual'nogo predpochteniya (pedofiliej). URL: <https://base.garant.ru/55880060/> (data obrashcheniya: 25.10.2019).

⁹ Sm.: Plyushcheva E. L. Regulirovanie instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya v otnoshenii osuzhdennyh, otbyvayushchih ugolovnoe nakazanie v vide pozhiznennogo lisheniya svobody. URL: <http://otrasli-prava.rf/article/12157> (data obrashcheniya: 25.10.2019).

¹⁰ Diakonov V. V. Ugolovnoe pravo RF. Pozhiznennoe lishenie svobody. URL: https://wiki2.org/ru/Pozhiznennoe_lishenie_svobody (data obrashcheniya: 25.10.2019).

¹¹ Ugolovnye kodeksy zarubezhnyh stran. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (data obrashcheniya: 25.10.2019).

¹² Sm.: Plyushcheva E. L. Regulirovanie instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya v otnoshenii osuzhdennyh, otbyvayushchih ugolovnoe nakazanie v vide pozhiznennogo lisheniya svobody. URL: <http://otrasli-prava.rf/article/12157> (data obrashcheniya: 25.10.2019).

УДК 343.85

Влияние криминальной субкультуры на корыстную преступность несовершеннолетних (на примере неформального движения «АУЕ»)

А. А. СЕРЕДИН – начальник кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Т. О. РЕШЕТНЯК – курсант 5 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена исследованию на примере неформального движения «АУЕ» криминальной субкультуры как фактора, оказывающего негативное влияние на корыстную преступность несовершеннолетних. В частности, рассматриваются идеология и нормы поведения, характерные для указанного движения, выделяются особенности, способствующие их распространению, анализируется механизм зависимости уровня корыстной преступности несовершеннолетних в Российской Федерации от воздействия криминальной субкультуры, предлагается ряд мероприятий по профилактике корыстной преступности и противодействию ей, а также влиянию норм криминальной субкультуры на лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

Ключевые слова: корыстная преступность; несовершеннолетние; криминальная субкультура; «АУЕ»; неформальное движение; воровские понятия; преступная группировка; криминогенная идея.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

The influence of the criminal subculture on the mercenary crime of minors (by example of nonformal movement «AUE»)

A. A. SEREDIN – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

T. O. RESHETNYAK – 5th year Cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article is devoted to the study of criminal subculture by the example of the nonformal movement «AUE» as a factor that has a negative impact on the mercenary crime of minors. In particular the ideology and norms of behavior that are characteristic of this movement, as well as the features that contribute to their distribution, are examined, the mechanism of the dependence of the level of mercenary crime of minors in the Russian Federation on the impact of a criminal subculture is examined, a number of measures for the prevention and combating of mercenary crime are also proposed, as well as distribution and influence of criminal subculture norms among people under the age of majority.

Key words: mercenary crime; minors; criminal subculture; AUE; nonformal movement; thieves concepts; criminal gang; criminogenic idea.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Анализируя статистические данные об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 2014–2018 гг. в России, можно отметить ряд противоречивых тенденций. В частности, фиксируется спад общего количества осужденных лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, однако доля лиц, совершивших корыстные преступления, возрастает.

Так, общее количество несовершеннолетних осужденных в обозначенный период было следующим: 2014 г. – 23 586 чел., 2015 г. – 23 939 чел., 2016 г. – 22 816 чел., 2017 г. – 20 631 чел., 2018 г. – 18 826 чел. Доля несовершеннолетних, совершивших такие преступления, как кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159–159.6 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), в общей массе несовершеннолетних осужденных составила: в 2014 г. – 63,73 %, в 2015 г. – 65,95 %, в 2016 г. – 62,82 %, в 2017 г. – 67,82 %, в 2018 г. – 66,62 %¹.

Преступность несовершеннолетних обусловлена действием достаточно широкого перечня факторов, относящихся к экономической, социальной, политической, духовной и другим сферам жизни общества. Вместе с тем существенное негативное влияние оказывает высокий темп распространения в соответствующих кругах криминальной субкультуры. Особого внимания заслуживает такое ее ответвление, как «АУЕ», ввиду наибольшего распространения в среде лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, а также целенаправленности воздействия на указанную аудиторию.

Идеология рассматриваемого движения основана на сознательном выборе преступного образа жизни, следовании так называемым воровским понятиям. Нормы поведения, характерные для участников «АУЕ», позаимствованы из традиционной криминальной субкультуры, существующей в местах лишения свободы. Совершение корыстных преступлений и избрание этой деятельности в качестве основного источника дохода всячески поощряется членами данного сообщества. Наличие запретов на сотрудничество с правоохранительными органами, обладание каким-либо имуществом и сбережениями, создание семьи, трудоустройство, а также обязанность поддерживать криминальные идеи, пополнять общак создают благоприятные условия для роста корыстной преступности.

Внешняя атрибутика, например татуировки, уголовный жаргон и клички, также позаимствована из криминальной субкультуры. Активное ее использование членами движения объясняется удовлетворением потребностей в самоидентификации, укреплении авторитета, принадлежности к сообществу.

Развитие телекоммуникационных технологий, доступность Интернета, различного рода мессенджеров и социальных сетей создают условия для эффективного и стремительного распространения ценностей криминального характера среди несовершеннолетних. В силу возрастных особенностей, неустоявшейся психики и малого жизненного опыта вышеуказанные нормы зачастую не получают у подростков негативного восприятия и внедряются в поведение активнее, нежели у лиц зрелого возраста.

В рамках рассматриваемой субкультуры лицо, совершившее преступление по корыстным мотивам, пользуется уважением, а также, как правило, принадлежит к высшим стратификационным слоям. Это приобретает особое значение в совокупности с повышенной потребностью несовершеннолетних в самореализации, поддержке и защите со стороны окружения.

Носители криминальной субкультуры «АУЕ» склонны к объединению между собой, формированию преступных группировок, имеющих в своих рядах более старших по возрасту и обладающих значительным опытом противозаконной деятельности лиц. Как правило, такие члены организуют деятельность формирований и являются связующим звеном между группировкой и лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии. Вместе с тем организаторы склоняют несовершеннолетних участников к сбору денежных средств на нужды преступного формирования и в помощь лицам, находящимся в местах лишения свободы. Очевидно, что лица, не достигшие совершеннолетнего возраста, зачастую не имеют собственного источника заработка и не располагают необходимыми денежными средствами, что, в свою очередь, порождает стремление к обеспечению материальных потребностей посредством совершения корыстных преступлений. Согласно статистическим данным зарегистрированный уровень трудовой занятости представителей рассматриваемой возрастной категории в 2018 г. составил 5,6 %².

Следует отметить и высокую привлекательность данного способа удовлетворения потребности в денежных средствах, подкрепляемую криминогенными идеями неуважения к человеческому труду, ложного благородства и романтизации деятельности, связанной с хищением чужого имущества. К тому же организаторы рассматриваемых преступных группировок стремятся к активному вовлечению подростков в корыстные преступные схемы, убеждая их в лояльном отношении сотрудников правоохранительных органов к несовершеннолетним преступникам, отсутствию или незначительности возможных последствий уголовной ответственности.

Наряду с этим имеют место случаи систематического вымогательства, совершаемые в образовательных учреждениях носителями криминальной субкультуры в отношении сверстников, не способных противостоять такому давлению. Например, значительный резонанс получила ситуация, произошедшая в 2016 г. в поселке городского типа Новопавловка Забайкальского края. Ряд учащихся общеобразовательной школы, симпатизирующих криминальной субкультуре «АУЕ», на протяжении длительного времени совершали акты вымогательства в отношении учеников данного образовательного учреждения, что в конечном итоге спровоцировало самосуд родителей над участниками неформального движения³.

Нередко несовершеннолетние оказываются неспособны противодействовать влиянию, оказываемому носителями субкультуры «АУЕ», так как игнорирование или открытое сопротивление могут иметь неблагоприятные последствия, например отторжение коллективом, принуждение к выполнению унижающих человеческое достоинство действий, а также применение насилия. Вследствие этого зачастую объектом влияния выбирается конформное поведение, вынужденное следование нормам криминальной субкультуры вопреки их неприятию.

Ряд экспертов отмечают всероссийский масштаб распространения исследуемого негативного явления, оценивают «АУЕ» как общенациональную угрозу. Ввиду этого рассмотрение данной проблемы было вынесено на федеральный уровень⁴.

Очевидно, что столь стремительное и повсеместное распространение норм криминальной субкультуры оказывает пагубное влияние на состояние корыстной преступности несовершеннолетних. Сложившаяся

ситуация требует всестороннего осмысления и решения со стороны как государства, так и общества.

В целях противодействия корыстной преступности, а также распространению норм криминальной субкультуры в среде лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, предлагается следующее:

1) разработка на государственном уровне мер по укреплению среди молодежи традиционных духовно-нравственных ценностей;

2) систематическое проведение в образовательных организациях, а также учреждениях социального обслуживания несовершеннолетних мероприятий, направленных на оценку криминальной зараженности рассматриваемой категории лиц, выявление носителей криминальной субкультуры, разъяснение истинных целей существования данного явления, коррекцию ценностной сферы личности (лекции, беседы, интервьюирование, тестирование, тренинги, просмотр тематических видеоматериалов и т. д.). Целесообразно привлечение к данной деятельности сотрудников правоохранительных органов и членов общественных организаций;

3) дополнение образовательных программ курсами дисциплин, формирующих систему основополагающих знаний в области законодательства Российской Федерации, уважительное отношение к закону, институту собственности;

4) повсеместное развитие досуговой, образовательной и спортивной инфраструктуры, усиленный контроль за деятельностью ее элементов;

5) проведение работы по разъяснению педагогическому составу образовательных организаций, а также учреждений социального обслуживания несовершеннолетних аспектов, касающихся внешних проявлений криминальной субкультуры, недопустимости снисходительного отношения к выявленным фактам приверженности к ней учащихся и воспитуемых лиц, необходимости информирования законных представителей установленных носителей криминально окрашенных норм. Особое внимание следует обратить на немедленное сообщение в правоохранительные органы сведений обо всех случаях усмотрения в деяниях несовершеннолетних либо в деяниях, совершенных в отношении указанных лиц, признаков состава преступления;

6) включение в деятельность школьных психологов отдельного направления работы по целенаправленному выявлению обучаю-

щихся, подвергшихся криминальному заражению, и коррекционной работе с ними;

7) усиление деятельности правоохранительных органов по анализу контента интернет-ресурсов в целях выявления и устранения источников распространения информации, пропагандирующей преступный образ жизни, а также установлению и привлечению к ответственности лиц, умышленно распространяющих вышеуказанные материалы;

8) стимулирование создания рабочих мест, рассчитанных на трудоустройство лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

Реализация приведенного выше комплекса мер способна качественным образом минимизировать степень влияния норм криминальной субкультуры и снизить темп их распространения в среде несовершеннолетних, что окажет положительное воздействие на состояние корыстной преступности лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

Таким образом, движение «АУЕ» оказывает негативное влияние на состояние корыстной преступности несовершеннолетних. Изменения нравственно-психологической и ценностной сфер личности под влиянием данной криминальной субкультуры детерминируют совершение подростками преступлений, относящихся к категории корыстных.

Принимая во внимание возрастные особенности личности носителя субкультуры «АУЕ», следует констатировать значительность степени укоренения у него криминальных идей, взглядов и мировоззрения в целом. Субъективное принятие несовершеннолетним соответствующих норм и преступного образа действий однозначно указывает на их способность влиять на совершение корыстных преступлений в долгосрочной перспективе. Даже в случае неприятия и внутреннего отрицания несовершеннолетним лицом норм, характерных для рассматриваемого движения, зачастую возникает мнимая вынужденность следования им, вызванная затрудненностью смены круга общения, неспособностью открыто противопоставить себя носителям субкультуры. Тем самым обеспечивается дальнейшее усиление криминальной зараженности.

Вместе с тем следует отметить высокую латентность явления до момента совершения уголовно наказуемых деяний. Большинство участников движения «АУЕ» склонны скрывать от родителей и педагогов свою принадлежность к сообществу, а последние не всегда способны своевременно заметить отклонения в поведении несовершеннолетнего, что создает серьезные препятствия в предупреждении корыстной преступности несовершеннолетних.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 14.12.2019).

² См.: URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 30.12.2019).

³ См.: Жители села Новопавловка учинили жестокую расправу над обидчиками их детей. URL: <https://zab.tv/news/proisshestviya/zhiteli-s-novopavlovka-uchinili-zhestokuyu-raspravu-nad-obidchikami-ikh-detey> (дата обращения: 15.12.2019).

⁴ См.: Шаликова Н. И. АУЕ как современная молодежная криминальная субкультура: постановка проблемы // Проблемы противодействия криминальной субкультуре : сб. ст. (материалы всерос. науч.-практ. конф.) / науч. ред. Ю. В. Хармаев, Э. Л. Раднаева. М., 2018. С. 103.

¹ См.: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashcheniya: 14.12.2019).

² См.: URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13210> (data obrashcheniya: 30.12.2019).

³ См.: Zhiteli sela Novopavlovka uchinili zhestokuyu raspravu nad obidchikami ih detej. URL: <https://zab.tv/news/proisshestiya/zhiteli-s-novopavlovka-uchinili-zhestokuyu-raspravu-nad-obidchikami-ikh-detey> (data obrashcheniya: 15.12.2019).

⁴ См.: SHalikova N. I. AUE kak sovremennaya molodezhnaya kriminal'naya subkul'tura: postanovka problemy // Problemy protivodejstviya kriminal'noj subkul'ture : sb. st. (materialy vseros. nauch.-prakt. konf.) / nauch. red. YU. V. Harmaev, E. L. Radnaeva. M., 2018. S. 103.

УДК 343.847

Совершенствование законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний без лишения свободы

В. Ф. ЯДРЕНЦЕВ – старший преподаватель кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета

В статье рассматриваются отдельные трудности, возникающие при исполнении уголовного наказания в виде исправительных работ. Автором предлагаются организационные меры и внесение изменений в действующее законодательство с целью разрешения существующих проблем и улучшения ситуации в сфере исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы.

Ключевые слова: исполнение наказания; гуманизация наказания; исправительные работы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Legislation improving in the field of the execution criminal sentences without imprisonment

V. F. YADRENTSEV – Senior Lecturer of the Law Department of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University

The article discusses certain problems that arise in the execution of criminal sentences in the form of correctional labor. The author proposes organizational measures and amendments to the current legislation in order to resolve these problems. It is concluded that the proposed changes will improve the situation in the field of execution of sentences not related to deprivation of liberty.

Key words: execution of punishment; humanization of punishment; correctional labor

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Современная уголовно-исполнительная политика России ставит своей целью гуманизацию обращения с осужденными, одной из форм достижения которой является применение судами наказаний, представляющих альтернативу лишению свободы, таких как штраф, исправительные работы, обязательные работы, ограничение свободы и др. В концептуальных документах по развитию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации¹ говорится о постепенном увеличении количества лиц, которым назначается наказание, не связанное с на-

правлением осужденного в исправительное учреждение. Это может быть достигнуто последовательной реализацией политики гуманизации и увеличения количества приговоров без наказания в виде лишения свободы, в случае если такая возможность предусматривается санкциями уголовного закона.

По данным судебной статистики, с 2011 г. в нашей стране снижается количество осужденных, направляемых в места лишения свободы². Исправительные работы как вид уголовного наказания применяются

достаточно продолжительное время и зарекомендовали себя эффективным видом наказания, сочетающим карательные меры и воспитательное воздействие на осужденного. Положительным для лица, которому назначается данный вид наказания, является то, что оно не изолируется от общества, а продолжает проживать в привычной для него социальной среде, работать на благо семьи и общества, искупая вину добросовестным трудом.

Анализируя данные статистики ФСИН России, следует отметить, что с 2006 по 2011 г. наблюдался ежегодный спад применения исправительных работ. Примечательно, что в 2012 г. произошло резкое увеличение численности лиц, осужденных к исправительным работам (по сравнению с предыдущим периодом – на 20 115), и она составила 50 122 чел. Рекордным по численности стал 2013 г. (54 784 осужденных к исправительным работам), а в 2015 г. снова наблюдается резкий спад – до 28 090. На 1 февраля 2020 г. на учете состоят 486 019 осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, из них 44 402 назначены исправительные работы³.

Согласно ч. 1 ст. 45 УК РФ исправительные работы могут назначаться только в качестве основного уголовного наказания и применяться как к лицам, у которых есть основное место работы, так и к неработающим. Проблем при исполнении наказания в отношении осужденного, который имеет основное место работы, как правило, не возникает, за исключением тех ситуаций, когда дополнительно назначается наказание в виде запрета заниматься каким-либо видом деятельности. А вот у лица, у которого отсутствует основное место работы, может возникнуть проблема с трудоустройством. В данном случае закон устанавливает, что оно должно быть трудоустроено в районе своего места жительства, и обязанность по трудоустройству такого лица возлагается на уголовно-исполнительную инспекцию, для чего органы местного самоуправления должны создавать специальные рабочие места. Анализ принимаемых на уровне местного самоуправления нормативных актов позволяет сказать, что в сельской местности существуют проблемы с подобным трудоустройством из-за отсутствия законодательной базы.

В силу определенных обстоятельств (состояние здоровья, наличие малолетних детей, прохождение военной службы и др.) не всем лицам возможно назначение наказа-

ния в виде исправительных работ. Например, исправительные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами I группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет.

Исполнение данного вида наказания, как отмечалось выше, осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями согласно действующему УИК РФ и подзаконным актам, регламентирующим организацию исполнения наказаний без изоляции осужденного от общества⁴.

На практике возникают некоторые проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники инспекций, исполняя приговор суда по данному виду уголовного наказания.

Во-первых, если осужденный не был ранее трудоустроен, необходимо организовать работу по его трудоустройству. В современных условиях рыночной экономики работодатели не заинтересованы открывать рабочие места с целью использования труда осужденных к исправительным работам, и действенных рычагов воздействия на них со стороны сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и местных властей практически нет.

Одним из вариантов решения данной проблемы могло бы стать включение в ст. 13 закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации»⁵ ч. 5, предусматривающей установление квоты для приема на работу лиц, осужденных к отбыванию наказания в виде исправительных работ, в размере одного процента от среднесписочной численности работников.

Еще одной проблемой является невозможность исполнения наказания в виде исправительных работ в небольших населенных пунктах, где отсутствуют какие-либо предприятия, учреждения, организации, например в сельской местности. Те немногочисленные фермерские хозяйства, которые работают, не желают трудоустроить у себя осужденных к наказанию в виде исправительных работ, так как фермерское хозяйство, как правило, это объединение членов одной семьи и принимать в свой коллектив лиц с сомнительным прошлым они не хотят. На наш взгляд, с целью стимулирования трудоустройства в фермерских хозяйствах осужденных к наказанию в виде исправительных работ необходимо предоставить фермеру, например, льготы по уплате земельного налога на период трудоустройства такого лица. Это возможно сделать, так как согласно ч. 3 ст. 387 НК РФ при установле-

нии земельного налога нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований могут также определяться налоговые льготы, основания и порядок их применения.

Нормы уголовного закона устанавливают, что данный вид наказания может быть назначен лицу, которое является трудоспособным, так как отбывание наказания требует обязательного трудоустройства и удержаний из заработанных средств. Поэтому при наступлении обстоятельств, при которых осужденный становится нетрудоспособным, возникает вопрос о дальнейшем исполнении исправительных работ. При этом речь идет не о так называемом сезонном заболевании (например, простуда), а о стойкой утрате трудоспособности, установленной врачебной комиссией медико-социальной экспертизы. Так, в случае признания осужденного инвалидом первой группы он имеет право обратиться в суд с ходатайством об освобождении от отбывания наказания в связи с невозможностью продолжать работу.

Вместе с тем в законодательстве не урегулирован вопрос о возможности освобождения лица, осужденного к наказанию в виде исправительных работ, при достижении им пенсионного возраста. По нашему

мнению, в такой ситуации возможно применение закона по аналогии, так как существуют нормы, которые регламентируют данные вопросы в отношении лиц, отбывающих лишение свободы: согласно ч. 2 ст. 103 УИК РФ «осужденные, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, привлекаются к труду по их желанию в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде и законодательством Российской Федерации о социальной защите инвалидов».

На наш взгляд, необходимо внести в ч. 4 ст. 42 УИК РФ дополнение, сформулировав его следующим образом: «в случае достижения лицами, отбывающими наказание в виде исправительных работ, возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, они вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении от дальнейшего отбывания данного наказания».

Изложенные выше предложения направлены на решение проблем, возникающих при исполнении уголовного наказания в виде исправительных работ, и улучшение ситуации в обозначенной сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (ред. от 23.09.2015) : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14.10.2010 № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544; 2015. № 40. Ст. 5581.

² См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3212/> (дата обращения: 12.03.2020).

³ URL: <http://fsin.su/statistics/> (дата обращения: 02.03.2020).

⁴ См.: Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества (ред. от 22.08.2014) : приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 // Рос. газ. 2009. № 151.

⁵ О занятости населения в Российской Федерации (ред. от 02.12.2019) : закон Рос. Федерации от 19.04.1991 № 1032-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17. Ст. 1915.

¹ Sm.: O Konceptcii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda (red. ot 23.09.2015) : rasporyazhenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2010. № 43. St. 5544; 2015. № 40. St. 5581.

² Sm.: Otchet o chisle privlechennyh k ugolovnoj otvetstvennosti i vidah ugolovnogo nakazaniya. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3212/> (data obrashcheniya: 12.03.2020).

³ URL: <http://fsin.su/statistics/> (data obrashcheniya: 02.03.2020).

⁴ Sm.: Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii ispolneniya nakazaniy i mer ugolovno-pravovogo haraktera bez izolyacii ot obshchestva (red. ot 22.08.2014) : prikaz Minyusta Rossii ot 20.05.2009 № 142 // Ros. gaz. 2009. № 151.

⁵ O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii (red. ot 02.12.2019) : zakon Ros. Federacii ot 19.04.1991 № 1032-1 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 1996. № 17. St. 1915.

УДК 343.3

Инновации как предмет преступлений в области инновационной деятельности

В. Н. НЕКРАСОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Преступления в сфере инновационной деятельности причиняют вред экономике страны в целом, а также негативно отражаются на правах, свободах и потребностях участников экономических отношений. Вместе с тем на сегодняшний день как в юридической литературе, так и правоприменительной практике нет единого мнения о том, какие общественно опасные деяния следует относить к преступлениям в области инновационной деятельности. В статье предпринята попытка провести исследование данного вопроса. По мнению автора, целесообразно выделять виды имущества в зависимости от вида правовой охраны, объекты, охраняемые ввиду регистрации и выдачи охранного документа, ввиду факта создания, ввиду неизвестности третьим лицам, а также сущности и структуры самого имущества.

Ключевые слова: инновация; преступление; имущество; предмет преступления.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Innovation as a subject of crime in the innovation field

V. N. NEKRASOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. In Law

Crimes in the field of innovative activity harm the economy of the country as a whole, and also negatively affect the rights, freedoms and needs of participants in economic relations. However, to date, both in legal literature and law enforcement practice there is no consensus on what socially dangerous acts should be attributed to crimes in the field of innovation. The article attempts to conduct a study of this issue. According to the author, it is advisable to distinguish the types of property depending on legal protection, as well as the nature and structure of the property itself. So, depending on the type of protection, it is necessary to distinguish objects that are protected due to registration and issuance of a protection document, due to the fact of creation, due to the unknown to third parties.

Key words: innovation; the crime; property; subject of crime.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Эволюция современного общества ознаменована стремительным развитием инновационной деятельности, результаты которой кардинальным образом меняют жизнь людей. Появление новых технологий, с одной стороны, принесло обществу огромные блага в сфере экономики, образования и культуры, а с другой – стимулировало появление новых и развитие традиционных

форм преступности. Преступления в сфере инновационной деятельности причиняют вред экономике страны в целом, а также негативно отражаются на правах, свободах и потребностях участников экономических отношений. Вместе с тем и в юридической литературе, и правоприменительной практике нет единого мнения о том, какие общественно опасные деяния следует относить

к преступлениям в области инновационной деятельности. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

При воздействии субъекта преступления на субъект уголовно-правовой защиты причиняется вред общественным отношениям в области инновационной деятельности. Иными словами, объект преступления нарушается, чаще всего это отражается на предмете преступления. Предметом преступления в области инновационной деятельности является имущество или права на такое имущество, но не всякое, а представляющее новизну по сравнению с ранее существовавшими подобными объектами. Так, например, в XIX в. хищение чужого имущества совершалось при помощи таких средств, как отмычки, поддельные ключи и т. п. Этап инновационной активности принес с собой новый вид совершения хищения чужого имущества. Так, в соответствии со ст. 159.3 УК РФ вымогательство может осуществляться с использованием электронных средств платежа. Иными словами, преступление, связанное с хищением чужого имущества, претерпевает серьезные изменения вследствие развития инновационной деятельности. Следовательно, меняется и похищаемое имущество.

По нашему мнению, целесообразно выделять виды имущества в зависимости от правовой охраны, а также сущности и структуры самого имущества. Так, исходя из вида охраны, необходимо отличать объекты, охраняемые ввиду регистрации и выдачи охранного документа, ввиду факта создания, ввиду неизвестности третьим лицам.

К объектам первой группы относится имущество, охраняемое вследствие прохождения процедуры государственной регистрации и фиксации его оригинальности. Таковыми являются имущество, охраняемое в силу патента (изобретения, полезные модели, промышленные образцы), средства индивидуализации (товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования), а также селекционные достижения. В связи с важностью перечисленных объектов отечественный законодатель предусматривает специальные уголовно-правовые меры по их охране. Так, в соответствии со ст. 147 УК РФ за нарушение изобретательских и патентных прав предусмотрена уголовная ответственность.

Объектами, охраняемыми ввиду факта создания, являются авторские права, а

также топологии интегральных микросхем, которые по желанию их правообладателя могут быть зарегистрированы и запатентованы. Посягательство на указанные объекты также криминализовано в УК РФ. Так, уголовная ответственность наступает за нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ).

К объектам, охраняемым в силу неизвестности третьим лицам и принятия специальных защитных мер по сохранению такой неизвестности, целесообразно отнести информацию, составляющую служебную и коммерческую тайну. Для субъектов инновационной деятельности важно засекречивание новшества и процесса его создания с целью недопущения преждевременного раскрытия информации о сущности достигнутого результата. В уголовном законе предусмотрен отдельный состав преступления, устанавливающий уголовную ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ). Вместе с тем в рамках указанной статьи охраняются все виды сведений, составляющих соответствующую тайну, в том числе и не являющиеся инновационными, например сведения ноу-хау. В этой связи законодателю следует предусмотреть специальные уголовно-правовые меры по охране в рамках обозначенной статьи сведений инновационного характера.

Особенности уголовно-правовой охраны выделяются и в зависимости от вида имущества, представляющего предмет преступлений в области инновационной деятельности. Анализ ст. 128 ГК РФ позволяет очертить круг имущества: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Безусловно, нас в рамках проводимого исследования интересуют не все виды имущества, а только связанные с инновационной деятельностью. Значительная часть предметов преступлений в анализируемой области связана с такими объектами, как результаты интеллектуальной деятельности, которые выступают преимущественно в нематериальной форме. Предметом преступления в этом случае

становится интеллектуальная собственность. Вопрос о содержательном наполнении понятий «нематериальные инновации» и «предметы инновационной деятельности» довольно проблематичен в своем разрешении ввиду неоднозначности и сложности терминологии, применяемой как в российской, так и зарубежной научной литературе. Ряд отечественных специалистов под нематериальными результатами интеллектуальной деятельности понимают исключительно нематериальные активы предприятия¹.

Следует отметить, что ключевым видом деятельности по созданию инноваций является интеллектуальная деятельность. Правила регламентации ее результатов в большей части регламентированы нормами ГК РФ. Так, ст. 1225 ГК РФ устанавливает, что результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются: 1) произведения науки, литературы и искусства; 2) программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ); 3) базы данных; 4) исполнения; 5) фонограммы; 6) сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); 7) изобретения; 8) полезные модели; 9) промышленные образцы; 10) селекционные достижения; 11) топологии интегральных микросхем; 12) секреты производства (ноу-хау); 13) фирменные наименования; 14) товарные знаки и знаки обслуживания; 15) наименования мест происхождения товаров; 16) коммерческие обозначения.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 257 НК РФ под нематериальными результатами интеллектуальной деятельности понимаются приобретенные и (или) созданные налогоплательщиком результаты интеллектуальной деятельности и иные объекты интеллектуальной собственности (исключительные права на них), используемые в производстве продукции (выполнении работ, оказании услуг) или для управленческих нужд организации в течение длительного времени (продолжительностью свыше 12 месяцев).

Для признания нематериального актива необходимо наличие способности приносить налогоплательщику экономические выгоды (доход), а также наличие надлежаще оформленных документов, подтверждающих существование самого нематериаль-

ного актива и (или) исключительного права у налогоплательщика на результаты интеллектуальной деятельности (в том числе патенты, свидетельства, другие охранные документы, договор уступки (приобретения) патента, товарного знака).

К нематериальным активам, в частности, относятся:

1) исключительное право патентообладателя на изобретение, промышленный образец, полезную модель;

2) исключительное право автора и иного правообладателя на использование программы для ЭВМ, базы данных;

3) исключительное право автора или иного правообладателя на использование топологии интегральных микросхем;

4) исключительное право на товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товаров и фирменное наименование;

5) исключительное право патентообладателя на селекционные достижения;

6) владение ноу-хау, секретной формулой или процессом, информацией в отношении промышленного, коммерческого или научного опыта;

7) исключительное право на аудиовизуальные произведения.

Кроме того, согласно российским стандартам учета в состав нематериальных активов входят идентифицируемые недежные активы, не имеющие физической формы, служащие для использования при производстве или предоставлении товаров или услуг, для сдачи в аренду другим или для административных целей, для принятия к бухгалтерскому учету активов в качестве нематериальных.

Исходя из сказанного выше, нематериальные инновации могут выступать предметом преступления. Как правило, нематериальные инновации выражаются в виде произведений науки, литературы или искусства и представляют собой совокупность новых и оригинальных идей, образов, понятий; изобретений, полезных моделей и рационализаторских предложений – технических решений задач; промышленных образцов – художественно-конструкторских решений внешнего вида изделия и т. п. Но объектами гражданских правоотношений и, следовательно, предметом преступления они становятся лишь тогда, когда облакаются в какую-либо объективную форму, обеспечивающую их восприятие другими людьми. Так, литературное произведение может быть зафиксировано в рукописи, записано на

магнитную ленту и т. п.; изобретение может быть выражено вовне в виде чертежа, схемы, модели и т. д. Материальный носитель результата интеллектуальной деятельности (рукопись, магнитная запись, чертеж и т. п.) выступает в качестве вещи и может передаваться в собственность другим лицам, может быть уничтожен и т. д. Вместе с тем сам результат интеллектуальной деятельности, будучи благом нематериальным, сохраняется за его создателем и может использоваться другими лицами лишь по согласованию с ним, за исключением случаев, указанных в законе. Произведения науки, литературы и искусства, результаты технического и иных видов творчества являются ключевой составной частью понятия «интеллектуальная собственность», но не исчерпывают собой всего его содержания. Последнее охватывает также иные результаты интеллектуальной деятельности, в том числе и такие, которые не имеют творческого характера. Примером могут служить многие секреты производства (ноу-хау), которые хотя и представляют нередко большую коммерческую ценность,

но результатами творчества часто не являются. Действующее российское законодательство не признает результатами творчества также фирменные наименования, товарные знаки и другие средства индивидуализации юридических лиц, продукции, работ и услуг. Однако поскольку правообладателям указанных объектов закон гарантирует исключительное право на их использование, правовой режим указанных объектов приравнен по ряду моментов к режиму охраны результатов интеллектуальной деятельности и они также включаются в понятие интеллектуальной собственности. Вместе с тем не все результаты интеллектуальной деятельности можно считать инновациями. К инновациям может быть отнесена только лишь часть результатов интеллектуальной деятельности, а именно юридически закрепленные результаты, представляющие собой введенные в употребление новшества, которые должны приносить положительные результаты и в целом повышать эффективность в результате своего применения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Елохова И. В., Назарова Л. А. Концептуальный подход к определению понятия «результаты инновационной деятельности предприятия» // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. 2013. Т. 7, № 1. С. 47–49.

¹ См.: Elohova I. V., Nazarova L. A. Konceptual'nyj podhod k opredeleniyu ponyatiya «rezul'taty innovacionnoj deyatel'nosti predpriyatiya» // Vestn. YUzhno-Ural'. gos. un-ta. 2013. T. 7, № 1. S. 47–49.

УДК 343.985

Применение некоторых тактических приемов допроса осужденных в исправительных учреждениях в конфликтной ситуации

Р. М. МОРОЗОВ – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

И. С. БУШУЕВ – курсант 5 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются актуальные тактические приемы производства допроса осужденных в конфликтной ситуации, раскрывается их сущность, даются отдельные рекомендации по их производству. При формировании перечня тактических приемов допроса в конфликтной ситуации были учтены особенности деятельности исправительных учреждений. Авторы отстаивают позицию о необходимости использования совокупности тактических приемов, объединенных в тактические комбинации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : допрос; следственное действие; тактический прием; тактическая комбинация; конфликтная ситуация; осужденный; исправительные учреждения.

12.00.09 – Уголовный процесс

Applying some tactics of interrogation of convicts in correctional institutions in a conflict situation

R. M. MOROZOV – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

I. S. BUSHUYEV – 5th year cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article discusses the actual tactics of interrogation of convicts in a conflict situation, reveals their essence, describes individual recommendations for their production. When compiling a list of tactics for interrogation in a conflict situation the authors took into account the features of the activities of correctional institutions. The authors argue for the need to use a combination of tactical techniques combined in tactical combinations.

Key words: interrogation; investigative action; tactical technique; tactical combination; conflict situation; convicted; correctional facilities.

12.00.09 – Criminal trial

Допрос в исправительных учреждениях осужденными процессуальными лицами (следователями, дознавателями, оперативными сотрудниками) осуществляется уполномоченными процессуальными лицами (следователями, дознавателями, оперативными сотрудниками).

сотрудниками) по делам о пенитенциарных преступлениях и преступлениях прошлых лет. При производстве допроса осужденные выступают в процессуальной роли свидетелей, подозреваемых, обвиняемых, потерпевших.

Особенно сложным представляется производство допроса осужденных в конфликтной ситуации, когда это сопряжено с рядом условий (факторов): наличием опыта по противодействию расследованию, проявлениями тюремной субкультуры, обострением психических заболеваний, не исключающих вменяемость, и др.

Отметим, что именно тактический прием, точнее совокупность тактических приемов (тактическая комбинация), позволяет эффективно производить допрос с наименьшими затратами сил и времени, повышает его информационную и доказательную составляющие как следственного действия.

Конфликт в ходе допроса представляет собой противоречие между интересами производящего допрос сотрудника, целью работы которого является получение правдивых показаний, и допрашиваемого, который целенаправленно, специально и умышленно не желает давать такие показания.

Проанализировав научную литературу, мы пришли к выводу, что при производстве допроса в ИУ в конфликтной ситуации разумно и целесообразно применять ряд тактических приемов. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

1. Прием детализации показаний с целью дальнейшей их проверки и опровержения. Так, В. В. Кульков пишет, что ложные показания осужденных должны быть максимально детализованными, что позволит получить новые доказательства и изобличить обвиняемого¹. С целью усиления эффекта данного тактического приема А. А. Закатов предлагает при этом использовать в качестве средства преодоления лжи допрашиваемых видео- и звукозапись, составление схем². После следственного действия можно привлечь специалиста (психолога), который даст ориентирующую информацию о реакциях допрашиваемого при допросе и сможет ее интерпретировать. Стоит помнить, что жизненный уклад осужденных однообразен, поэтому взаимодействие внутри одного и того же социума при фиксированном распорядке дня в условиях строго ограниченной территории может приводить к наложению воспоминаний о предмете допроса. Следовательно, при подготовке к допросу

с использованием данного приема необходимо сформулировать вопросы, которые бы максимально конкретизировали действия подозреваемого (обвиняемого), также целесообразно составить схемы для воспроизведения произошедшего события сотрудником, осуществляющим процессуальные действия.

2. Создание представления о большей осведомленности сотрудников, осуществляющих расследование, о событии преступления. Сущность данного приема сводится к тому, что сотрудник органов предварительного расследования при проведении допроса может предъявить доказательства (вещественные доказательства, показания свидетелей, объяснения должностных лиц). Указанные действия приводят к осознанию осужденным того, что сотрудник осведомлен о всей его преступной деятельности, и, как следствие, к отказу от противодействия расследованию.

Данный прием целесообразно применять при активном взаимодействии с оперативными сотрудниками ИУ. Так, указанные должностные лица располагают достаточной информацией: о допрашиваемом лице, его намерениях при производстве расследования и т. д. Данная информация может быть предоставлена сотруднику, осуществляющему расследование.

3. Установление несоответствия показаний допрашиваемого обстоятельствам дела. В данном случае рекомендуется опираться в ходе допроса на реально существующие противоречия между показаниями участников преступления (при группе лиц), свидетелей и подозреваемого (обвиняемого), а также противоречия, выявленные по результатам осмотра, обыска и сбора свидетельских показаний. Однако не следует разжигать конфликт между участниками уголовного процесса. Данный прием следует применять осторожно, так, чтобы минимизировать или исключить возможность угрозы безопасности одного из допрашиваемых лиц.

Можно использовать также метод дробления, который позволяет расчленить показания допрашиваемого на многие части, а затем проверить каждую часть с помощью уточняющих вопросов. Представляется, что это одна из самых эффективных тактик допроса и ведения протокола. Она предусматривает, что сотрудник терпеливо выслушивает и записывает в протокол всю ложь допрашиваемого в форме свободного рас-

сказа, а затем начинает последовательно ставить уточняющие вопросы, не забывая заносить ответы в протокол³.

4. Метод косвенного допроса. Рассматриваемый прием основан на установлении факта, который напрямую не относится к предмету доказывания, но связан с преступлением. Вопросы, не относящиеся к событию преступной деятельности, притупляют бдительность осужденного, что позволяет исключить возможность реализации выстроенной линии защиты и установить данные, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления. Реализация данного приема будет более эффективна при внезапной постановке вопросов, поскольку при дефиците времени для анализа осужденный проговаривает информацию, связанную с совершенным преступным деянием.

5. Создание эмоционального напряжения. Если осужденному свойственна излишняя импульсивность, то сотрудник, производящий расследование, воздействует на эмоциональное состояние допрашиваемого, разъясняя ему лживость его показаний, указывая на трусость, проявление слабости. Целесообразно применять данный прием на рабочем этапе допроса вкупе с ситуационным изменением темпа.

6. Ситуационное изменение темпа допроса. Сущность данного тактического приема сводится к уменьшению интервалов между вопросами, которые задает следователь. Это побуждает допрашиваемое лицо сокращать время на обдумывание своих ответов, тем самым затрудняется дача ложных показаний. Стоит отметить, что существует два основных темпа: замедленный и ускоренный. Первый рационально применять в процессе детализации показаний, подготовки к предъявлению доказательств, а также при постановке внезапных вопросов. Ускоренный же темп допроса осложняет установление допрашиваемым лицом связи между истинными и ложными сведениями, что способствует лучшему использованию противоречий в его показаниях, а также не дает завуалировать его видеомоторные реакции⁴.

7. Убеждение допрашиваемых в несущественности неблагоприятных для них последствий, связанных с расследованием. К неблагоприятным для осужденных последствиям может привести наличие уголовно-правового института ответственности за дачу ложных показаний свидетелем и потерпевшим. Кроме того, поведение участ-

ника уголовного процесса обусловлено неписаными правилами криминальной субкультуры, существующей в местах лишения свободы: эмоциональное состояние в виде страха перед физической расправой со стороны осужденных за разглашение информации порождает сложность при получении сведений⁵. Для разрешения указанных проблем на подготовительном этапе допроса целесообразно применять два основных тактических приема: 1) обеспечить конфиденциальность факта вызова на допрос осужденного посредством легендирования причин его вызова в помещение административного здания; 2) обеспечить конфиденциальность информации о нужном для следствия лице путем вызова на допрос не одного осужденного, а целой группы.

8. Разъяснение допрашиваемому лицу содержания ст. 61 и 63 УК РФ (о смягчающих и отягчающих обстоятельствах). Данный тактический прием эффективен в отношении осужденных, имеющих уголовно-процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого. Однако Л. Я. Драпкин и В. Н. Долинин отмечают, что такой прием эффективен лишь при работе с лицами, ранее не судимыми, а также выполнявшими второстепенные функции при совершении преступления. Представляется, что при допросе осужденных о пенитенциарном преступлении данный прием является неэффективным и использовать его следует лишь как вспомогательный, а не основной. Важно понимать, что воздействие сведений относительно требований закона существенно усиливается, если они подкрепляются судебной и следственной практикой, которая отражена в документах и достоверных информационных источниках⁶.

9. Прием информационного вакуума, который связан с информационной обеспеченностью допроса. Данный прием представляется логичным использовать в случаях, когда методы убеждения не принесли ожидаемых результатов. Суть его заключается в том, что следователь максимально ограничивает допрашиваемое лицо в предоставлении информации о ходе следствия и имеющихся доказательствах. Это, в свою очередь, может приводить к созданию у допрашиваемого иллюзии, что у следователя имеется полная информация по совершенному преступлению (так называемый блеф). Значимая пауза в допросе, многозначительное молчание – вот основные тактико-психологические приемы, применяющиеся следователем в такой ситуации.

10. Аналогичным по своей сути является прием коммуникативного вакуума, когда у допрашиваемого за счет отсутствия долгого контакта с сотрудником создается ощущение, что его показания не играют никакой роли для хода расследования уголовного дела. Это позволяет предположить, что следствие может идти и не по правильному пути, а допрашиваемый остается в полном неведении. Указанные обстоятельства могут способствовать даже признательных показаний.

11. Если допрашиваемое лицо продолжает давать ложные показания, то предлагаем использовать такой прием, как допущение легенды. Суть его заключается в том, что допрашиваемому лицу предлагается обозначить свою позицию и представить аргументацию, которая является заведомо ложной для следователя, однако сотрудник должен не мешать излагать показания⁷. Информация подробно фиксируется в протоколе. Затем допрашиваемого необходимо ознакомить с протоколом допроса, и после ответа на каждый вопрос предлагать ему подписать соответствующую часть протокола. После этого используются приемы активного изобличения. Например, А. А. Закатов предлагает при получении таких показаний использовать технические средства аудио- и видеофиксации, а также составление схем⁸.

12. Использование (предъявление) доказательств. В научной литературе данный тактический прием также именуется пресечением лжи и может быть использован после применения предыдущего приема как способ активного изобличения. Суть приема заключается не в простом указании на ложность показаний допрашиваемого, а в использовании выявленных противоречий. Сама реализация приема может осуществляться путем предъявления как отдельных доказательств, так и их совокупности.

В заключение стоит отметить следующее:

1. Перечисленные нами тактические приемы являются наиболее эффективными при производстве допроса осужденных в конфликтной ситуации.

2. Для успешной реализации данных тактических приемов допроса осужденных необходимо на подготовительном этапе изучить личность допрашиваемого (данные, имеющиеся в криминалистических учетах, характеристике), показания иных лиц, проходящих по данному делу, личное дело осужденного (или выписку из него).

3. Использование рассмотренных нами тактических приемов будет иметь большую эффективность, если они будут объединены в тактические комбинации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кульков В. В. Расследование незаконного изготовления, приобретения, хранения, перевозки или сбыта наркотических веществ в ИТУ : лекция. Рязань, 1981. С. 23.

² См.: Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1999. С. 58, 60.

³ См.: Овчинникова Д. Д. Тактические приемы допроса и их криминалистическое значение // Науч.-образоват. потенциал молодежи в решении актуал. проблем XXI века. 2018. № 10. С. 387.

⁴ См.: Долинин В. Н. Тактика допроса подозреваемого и обвиняемого в конфликтной ситуации // Электрон. прил. к «Рос. юрид. журн.». 2013. № 6. С. 10.

⁵ См.: Морозов Р. М. Особенности тактики допроса осужденных по делам о побегах из исправительных учреждений // Актуал. проблемы рос. права. 2008. № 3. С. 452.

⁶ См.: Драпкин Л. Я., Долинин В. Н. Тактика следственных действий. Екатеринбург, 2002. С. 40–43.

⁷ См.: Лукашевич В. Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий : учеб. пособие. Киев, 1989. С. 44.

⁸ См.: Быховский И., Кузьмина С., Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1984. С. 60.

¹ Sm.: Kul'kov V. V. Rassledovanie nezakonnogo izgotovleniya, priobreteniya, hraneniya, perevozki ili sbyta narkoticheskikh veshchestv v ITU : lekciya. Ryazan', 1981. S. 23.

² Sm.: Zakatov A. A. Lozh' i bor'ba s neyu. Volgograd, 1999. S. 58, 60.

³ Sm.: Ovchinnikova D. D. Takticheskie priemy doprosa i ih kriminalisticheskoe znachenie // Nauch.-obrazovat. potencial molodezhi v reshenii aktual. problem XXI veka. 2018. № 10. S. 387.

⁴ Sm.: Dolinin V. N. Taktika doprosa podozrevaemogo i obvinyaemogo v konfliktnoj situacii // Elektron. pril. k «Ros. jurid. zhurn.». 2013. № 6. S. 10.

⁵ Sm.: Morozov R. M. Osobennosti taktiki doprosa osuzhdennyh po delam o pobegah iz ispravitel'nyh uchrezhdenij // Aktual. problemy ros. prava. 2008. № 3. S. 452.

⁶ Sm.: Drapkin L. YA., Dolinin V. N. Taktika sledstvennyh dejstvij. Ekaterinburg, 2002. S. 40–43.

⁷ Sm.: Lukashovich V. G. Taktika obshcheniya sledovatelya s uchastnikami otdel'nyh sledstvennyh dejstvij : ucheb. posobie. Kiev, 1989. S. 44.

⁸ Sm.: Byhovskij I., Kuz'mina S., Zakatov A. A. Lozh' i bor'ba s neyu. Volgograd, 1984. S. 60.

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на монографию
под редакцией доктора юридических наук,
профессора Р. А. Ромашова
«Международные стандарты
обращения с заключенными при
исполнении уголовных наказаний»**

С. Л. БАБАЯН – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент

Представленная на рецензирование монография посвящена актуальной в теоретическом и практическом отношении проблеме. Государство не может устойчиво и динамично развиваться, если не уделяет пристального внимания проблеме соблюдения прав человека. Реализация международных стандартов обращения с заключенными является важной гарантией эффективности функционирования отечественной пенитенциарной системы. Несмотря на значительные усилия по реформированию уголовно-исполнительной системы, проблема соблюдения прав человека по-прежнему остается одной из актуальных в современных условиях. Неудивительно, что в долгосрочных документах, посвященных разработке Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г., сохраняется указание на соблюдение международных стандартов. Демократическое развитие России не может проходить изолированно от международного сообщества. Россия как субъект международно-правовых отношений добровольно принимает на себя обязательства в сфере соблюдения прав человека. Вместе с тем реализация этих стандартов неизбежно порождает комплекс проблем, имеющих как общетеоретический, так и отраслевой характер.

Рассматриваемый в монографии круг вопросов представляет определенный интерес, поскольку предмет исследования анализируется в нескольких плоскостях, что позволяет увидеть комплексный характер проблемы.

Монография имеет логичную структуру. Она включает в себя введение и шесть глав. Первая глава раскрывает особенности международных стандартов в области исполнения уголовных наказаний. Вторая глава имеет общетеоретическую направленность и посвящена анализу пенитенциарного права и пенитенциарного правопорядка в свете международных стандартов обращения с осужденными. Третья глава содержит анализ обеспечения прав и свобод отдельных категорий осужденных в соответствии с требованиями международных пенитенциарных стандартов. Авторы раскрывают проблему на примере таких категорий, как несовершеннолетние осужденные, осужденные женщины, осужденные инвалиды и осужденные к пожизненному лишению свободы. В четвертой главе исследуется проблема соблюдения прав человека при исполнении уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, на примере обязательных, принудительных исправительных работ. Пятая глава имеет компаративную направленность и содержит сравнительный анализ международных стандартов и зарубежного опыта в сфере реализации механизма probation. В заключительной, шестой, главе авторы исследуют реализацию международных стандартов в процессе взаимодействия пенитенциарной системы и гражданского общества, а именно анализируют институт общественного контроля, а также раскрывают проблему взаимодействия церкви и пенитенциарной системы.

Характеризуя монографию в целом, следует отметить, что она написана доступным языком. Анализ широкого круга научных и эмпирических источников позволил авторам аргументированно, последовательно и логично раскрыть вопросы, связанные с предметом научного анализа.

Таким образом, представленная монография «Международные стандарты обращения с заключенными при исполнении уголовных наказаний» является законченной научной работой, заслуживает одобрения и может быть рекомендована к опубликованию в открытой печати.